

ISSN: 036-8455

STUDY GROUP ON EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA

NEWSLETTER

No. 33

NOVEMBER 2005

Contributions to the *Newsletter* should be addressed to the Editors:

Professor A.G. Cross,
Fitzwilliam College
Storey's Way
Cambridge CB3 0DG
E-mail: agc28@cam.ac.uk

Dr Alessandra Tosi,
Clare Hall
Herschel Road
Cambridge CB3 9AL
E-mail: at10008@cam.ac.uk

Contributions are accepted in English and Russian.

Synopsis of papers and book reviews are submitted without footnotes or endnotes; articles with endnotes. Refer to recent numbers of the *Newsletter* for guidance on the preparation of text and notes. Transliteration is in accordance with the modified Library of Congress system.

Enquiries about membership of the Group as well as subscriptions should be sent to the Group's Treasurer:

Professor Patrick O'Meara,
Department of Russian
School of Modern European Languages
University of Durham
Elvet Riverside, New Elvet
Durham DH1 3JT
E-mail: patrick.o'meara@durham.ac.uk

Individual subscriptions: £ 10.00

Institutions: £ 20.00

PLEASE NOTE: These amounts are to be paid in sterling only (cheque or banker's order, made out to Study Group)

With the following exception:

Individual American members may send their subscriptions (\$ 20.00) to:

Professor Thomas Newlin, Department of Russian,
222 Peters Hall, Oberlin College, Oberlin OH44074, USA

N.B.: Dollar cheques to be made out to T. Newlin and not Study Group

CONTENTS	page
J.S.G. SIMMONS (1915-2005): IN MEMORIAM (Anthony Cross)	1
ELENA BORISOVNA MOSGOVAIA: AN APPRECIATION (Lindsey Hughes)	3
SYNOPSIS of Papers Read at the 46th Meeting of the Study Group	
Roger Bartlett, "German Popular Enlightenment in the Russian Empire: Peter Ernst Wilde and Catherine II"	7
Manfred Schrubba, "N. M. Karamzin's Poetological Poetry"	12
Ed Weeda, "Politics and Morals: the Functional Diversity of the 18th-Century Epic"	17
Kirill Ospovat, "Aleksandr Sumarokov and the Social Status of Russian Literature in the 1750-60s"	24
ARTICLES	
Марк Альтшуллер, "Неопубликованное продолжение стихотворения А. С. Шишкова 'Старое и новое время'"	31
Anthony Cross, "Pieces of Silver: The Peace with Sweden, 3 August 1790"	39
Ettore Gherbezza, "О преступлениях и наказаниях" Ч. Беккариа. Неизданный перевод М. М. Щербатова"	50
Maria di Salvo, "F. Algarotti's Project for an <i>Histoire métallique de la Russie</i> "	60
А. Каменский, "Письмо из темницы"	66
Laura Rossi, "'Вергилий' М. Н. Муравьева. К проблеме Гуманизма в России"	73

Инна Семенова, "Духовная культура первой трети XVIII века на примере монастырских и архиерейских подворий Санкт-Петербурга	82
---	----

NEWS ITEMS

L. Hughes, "International Workshop on "Reading Russian Cultural Texts"	89
--	----

BOOK REVIEWS	92
--------------	----

G. Dulac, D. Taurisson, M. Piha and M. Reverseau, eds. *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle*;

H. Duchhardt and C. Scharf *Interdisziplinarität und Internationalität. Wege und Formen der Rezeption der französischen und der britischen Aufklärung in Deutschland und Russland im 18. Jahrhundert* (Roger Bartlett)

A. A. Preobrazhenskii et al. (eds), *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (Lindsey Hughes)

EDITORS' POSTBAG	103
------------------	-----

J.S.G. SIMMONS (1915-2005): IN MEMORIAM (Anthony Cross)

This morning, Tuesday 11 October 2005, there came in the post, in an envelope with an instantly recognizable address label, formal notification of the death of John Simmons on 22 September. John himself had prepared the notice – only two details had to be completed: the date of his death and the terminal year of his Emeritus Fellowship at All Souls. It reads as follows:

JOHN SIMON GABRIEL SIMMONS

b. Birmingham, 8 July 1915

d. Oxford, 22 September 2005

Library Staff, University of Birmingham, 1932-9, 1946-9

Librarian-Lecturer, University of Oxford, 1949-69

Fellow of All Souls College, Oxford, 1965

Reader in Slavonic Bibliography, University of Oxford, 1969-70

Librarian and Senior Research Fellow, All Souls College, 1970-82

Emeritus Fellow, All Souls College, 1982-2005

This notification was prepared by the deceased and is sent out in accordance with his instructions. It was his wish that there should be no memorial service in connection with his death. He approved Rushbrook Williams's precedent whereby any memorial donations were sent to the Codrington Library, All Souls College, Oxford.

There is so much of the man in this precise and lucid enumeration of his career and in the self-effacing instructions to be followed on his death. But so much is omitted and left to be conjured up in the memory and mind's eye of the countless numbers of scholars who had the good fortune to know him personally or to be his correspondents. Those who did not know him, however, in his ideal environment of Oxford and its libraries and who did

not have the opportunity to hear him lecture, talk, or guide missed much. It is hard to imagine an Oxford where one no longer catches a glimpse of this small, grey-suited man striding through its streets, flat-capped and raincoated in inclement weather, on the way from All Souls to Bodley or the Taylorian or, in happier times, on his way home to his beloved wife, companion and amanuensis, Fanny, who pre-deceased him in 1999 and left him utterly desolate.

I had learnt of his death in an earlier email from Christine Thomas, the recently retired Head of Slavonic Accessions at the British Library and a devoted friend and colleague of John, and I had duly informed members of ERCSA (passing on, incidentally, the slight error in the date of his death). It was Christine, the Editor of *SOLANUS*, which John had supported from its foundation many years ago, who had organized the special number of a journal to celebrate the 90th birthday of John on 8 July 2005 (New Series, vol. 19). There were nineteen contributions from longstanding and devoted colleagues and admirers in Britain, America, Russia and Ukraine and there is little doubt that there would have been dozens of other scholars, only too glad to have written something, had they been invited and space allowed. As it was, it was a fitting tribute to a man who was strongly opposed to the very idea of the *Festschrift* (which he considered among other things a bibliographer's nightmare) and one which, Christine informs me, truly delighted John "who asked for an extra 35 copies to send to friends all over the world". The 'Dedication' emphasized "our deep affection for him and our gratitude for the inspiration, help and encouragement he has given to two generations of Slavonic scholars, especially bibliographers, librarians, and historians of the book". Three of the contributions are out-and-out tributes to John, but all contain references to his kindness and generosity, erudition and wisdom, and all will be read with pleasure by those who knew him and will acquaint those who didn't with some of the qualities of this "outstanding example of that now endangered species, the scholar librarian" (the words are Will Ryan's).

John became a member of the Study Group on Eighteenth-Century Russia from its very inception in 1968 and, indeed, gave a talk on bibliography at its first meeting and an appreciation of the late Professor P.N. Berkov at the second. He contributed to the fifth issue of the *Newsletter* (1977) a long review of the first volume of the *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii v dnevnikh i vospominaniakh* (1976), edited by P.A. Zaionchkovskii. The tenth issue of the *Newsletter* in 1982 was dedicated to John on his retirement as Librarian of All Souls and he was made the first Honorary Member of the Study Group, in which he retained a strong interest up to his death. Signal evidence of his unflagging attachment was the invaluable name and subject indexes he compiled of the *Newsletter's* first twenty-five issues (XXVI (1998), 70-81).

John will be sorely missed. I personally owe him a great deal.

Anthony Cross

ELENA BORISOVNA MOSGOVAIA (1950-2005): AN APPRECIATION

Elena (Lena) Mozgovaia died on Sunday 5 June 2005, her fifty-fifth birthday, after a long illness. The news of her death reached me by the St Petersburg grapevine – a mutual friend from the Russian Museum phoned a former research student of mine, who had first introduced me to Lena in the early 1990s, and he phoned me. Lena was a pioneer as far as the Study Group was concerned, the first Russian scholar regularly to attend our January meetings under her own steam. She refused offers of support from the Group's BASEES subsidy, insisting that it be reserved for younger scholars. She first visited in 1996, accompanied by her daughter Olga, and gave a paper on 'National traditions in 18th-century Russian sculpture'. (See *SGECRN*, 24 (1996), which also contains her 'note' on Anton Losenko's work 'Iz'iasnenie kratkoi proporsii cheloveka'.) Thereafter she attended annually up to and including 2002, giving papers in 1998 (on Russian theoretical compositions on figurative art from the second half of the 18th century) and 2000 (on a new

statue of Peter the Great). Regulars will remember her well-organised, clearly focused talks and businesslike delivery. She disapproved of speakers who ignored the time limit. Not only did she attend herself, but she also sent us speakers from among her colleagues and research students, as well as eliciting contributions for the *Newsletter* from fellow scholars in Russia.

Lena Mozgovaia spent virtually her whole career, as student and teacher, at the St. Petersburg I. E. Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture, in the Academy of Arts building on Vasil'evskii Island, where latterly she was professor of the history of sculpture. Her candidate's dissertation was on the work of the Ukrainian architect Ivan Petrovich Zarudnyi (?-1727), focusing on his wooden sculptures for the iconostasis of the Peter-Paul cathedral, a daring subject for its time, since religious sculpture was a tricky topic to accommodate within the prevailing secular framework of Petrine studies. 'Tvorchestvo Zarudnego' (Leningrad, 1976) remains unpublished in the archive of the Academy of Arts, although the *avtoreferat* (1977) appeared in print, as did articles on Zarudnyi's triumphal arches and his note books (in the Repin Institute's series *Problemy razvitiia russkogo iskusstva*, 7 and 8 (1975)). In 1999 the monograph *Skul'pturnyi klass Akademii khudozhestv v XVIII veke* (St. Petersburg, 'Zero-design') appeared, an archival-based study of the theory and practice of education for Russian sculptors. As the editor's preface noted, the author had succeeded as no one else could in conveying the 'academic atmosphere' and values of the Academy. One might add that this is probably because Lena regarded herself as a link in that artistic and pedagogical chain dating back to the 1750s. Her family was steeped in sculpture, her husband Slava a restorer in the Hermitage, who has worked on many major projects in and around St Petersburg, and her daughter Olga a specialist on the history of the preservation of sculpture.

Many Study Group members enjoyed Lena's generous hospitality at her apartment in a solid, high-ceilinged Stalin-era block on Suvorovskii Prospect, admired the elegant paintings, sculptures and pre-revolutionary furniture in the sitting room (Lena could trace

her ancestry to the Russian nobility and had inherited a number of items) and the exotic bathroom decorated with mirrors and shells. The kitchen was the hub of conviviality at whatever hour you visited. There was always food sizzling on the stove or waiting in the fridge, and an array of unusual drinks to be sampled. Lena's research students would arrive for tutorials, friends would drop in and out. Some readers will remember the aged cat Murka, who ate raw eggs. Lena presided over her 'salon' with infinite good humour, a slightly old-fashioned figure with an air of authority about her. She and I were more or less contemporaries, but I always felt like the junior partner in the relationship.

I have lost count of the number of times Lena put me in touch with the right person in the right place – a word from her brought access behind the scenes in the Publichka, Peterhof, the Hermitage (where among other things I was treated to a visit to Peter I's *garderob*, a chance to see a rarely displayed deathbed portrait and a close encounter with Rastrelli's wax bust of Peter in the cellar.) Lena did not, I think, altogether approve of my multidisciplinary 'Russian cultural landmarks' project, which embraces kitsch along with 'great' art, but she immediately grasped what it was all about and thereafter helped unstintingly with references, xeroxes, illustrations and contacts. I was able to a small extent to repay some of her kindness by organising access for her to view two plaques by the sculptor Fedot Shubin in a house at the Roehampton campus of Surrey University, where the caretaker was alarmed by the unlikely sight of Lena balancing precariously on a table to get a good shot of the plaques. An article ensued ('Proizvedeniia F. I. Shubina v Velikobritanii', in I. V. Riazantsev ed., *Russkoe iskusstvo novogo vremeni. Issledovaniia i materialy* (Moscow, 2000), pp. 94-104). Comparative studies that resulted from her January visits to the British Library included a paper on 'A Project to Create a School under the Auspices of the Royal Academy of Fine Arts in London'.

Lena was also the best of friends on a more mundane level. In 2000, leaving the Library of the Academy of Arts I tripped down a deceptive half-step and landed in an inelegant heap at Lena's feet. When British stoicism faltered and I admitted that I had

injured my ankle, she commandeered one of her students (refusal was not an option) to drive us in his car to the nearest polyclinic, where Lena whisked me *vne ocheredi* past a great throng of *bol'nye* (most of whom, she commented disapprovingly, were probably suffering from alcohol-induced injuries) into the nearest surgery, where I was duly bandaged up. One voiced wishes with caution. On one occasion I chanced to remark that it would be nice to have a flat in St. Petersburg (a statement hedged about in my own mind with conditionals as I considered the costs, anxiety about security, legal complications and so on). A couple of months later Lena phoned to say than an excellent flat had come up, but I had to decide quickly as it would soon be gone. She was not offended by my refusal and bought it herself. Subsequently I and other members of the Group stayed there at various times.

Sadly I did not see Lena during the last year and a half of her life. In the autumn of 2002 she began to speak of being 'too old' to travel. Rumours reached me and others that she was ill, but, with characteristic discretion, she never divulged details outside her family circle. Letters and e-mails went unanswered and I knew that something was seriously wrong when she failed to deliver an article (on a Russo-British theme) promised for Tony Cross's *Festschrift* and was unable to attend the International Conference in Wittenberg, from where, as participants will recall, a message was sent to her. She was delighted at the birth of Olga's son in 2004 and, by all accounts, enjoyed taking him out for good 'airings' when she was still feeling well enough.

If I have dwelt on the personal as much as the professional, it is because in my relationship with Lena Mozgovaia the two were inextricably entwined, as is the case with all the relationships that one values most in Russia. She has left a monument to herself in the hearts of her British friends. Visits to St. Petersburg will not be the same without her.

Lindsey Hughes (SSEES, UCL)

**SYNOPSIS OF PAPERS READ AT THE 46TH MEETING OF THE STUDY GROUP
AT HIGH LEIGH CONFERENCE CENTRE, HODDESDON, ON 4-6 JANUARY 2005**

**I. ROGER BARTLETT (Nottingham), "German Popular Enlightenment in the
Russian Empire: Peter Ernst Wilde and Catherine II"**

The term 'popular Enlightenment' has been applied to attempts to relate the abstract ideas and scientific innovations of the Enlightenment to real everyday life. A major development in eighteenth-century European societies was the effort by benevolent members of the educated classes to rise up the common people out of ignorance, superstition and their daily common ills and vices. The motivation was a mixture of rational calculation, social engineering and philanthropic or religious altruism, often also a strong sense of duty and obligation on the part of the 'enlightened patriot'; popular Enlightenment also accorded perfectly with the leading theories of statecraft of the later eighteenth century. A recent historian of this phenomenon in Germany, *die Volksaufklärung*, Holger Böning, has traced its evolution in several stages: from the abstract intellectual Enlightenment to the 'economic and publicly useful' stage, concerned particularly with agrarian and medical improvement, and through to the 'popular Enlightenment' proper and its growing concern for popular education. This practical and activist approach to Enlightenment became conspicuous in the second half of the century.

The phenomenon was supranational: witness the huge international success of the famous medical tract *Avis au peuple sur sa santé* (1761) by the Swiss physician S.-A. Tissot, translated into numerous European languages. Britain had its own popular medical writers, but translations and adaptations of Tissot went through many editions in Britain, and America, between 1765 and 1815. Tissot's work appeared in Russia, in 1781, and he was influential too in the German lands. In Protestant German and other territories local literati worked with the Lutheran Church and local authorities to improve the lot of the common people. Germany

was also a prime source for popular Enlightenment in Russia; the paper examines some examples.

The first case is the medical man Peter Ernst Wilde (1732-1785), from Pomerania, who spent most of his adult life in Russia's Baltic provinces, which comprise most of present-day Latvia and Estonia, where landowners spoke German and their peasant serfs Latvian or Estonian. Wilde gained an MD from Greifswald in 1765 and that year began publishing in Mitau (Courland) a weekly, *The Country Doctor [Der Landarzt]*. He soon moved into the Empire, settling in the Baltic German estate of Oberpahlen/Põltsamaa, in the northern Estonian-speaking part of Russian Livonia. He had been recruited by the estate's owner, Major W. J. von Lauw. Lauw was eager to develop literacy in his estates, and to improve public hygiene and the health of his peasants, and he brought Wilde to Oberpahlen to establish a 'lazaret' or hospital. Wilde remained at Oberpahlen for the rest of his life. He undertook a wide range of activities specifically intended to foster the public good and the welfare of the common folk, and continued his medical output with further publications. The most famous are the Estonian-language medical periodical *Short Treatise on Medicine (Lühhiike õppetuse...1766)* and its Latvian counterpart *The Latvian Physician (Latweeschu Ahrst, 1768)*. These were landmark publications, the first periodicals in their languages, in which relatively little was published before 1800: a milestone in Latvian and Estonian literary and publishing history.

Wilde made what wider reputation he had with his medical writings, but of interest here are his practical activities, in which von Lauw gave him great support. Wilde's primary task was to run the new hospital; beyond this he also obtained official authorization to set up a pharmacy, which successfully dispensed primarily local herbal remedies, employing one or more trained pharmacists. He cherished wider plans for medical education, in which the pharmacy had an important role; and he established what he called a 'medical school' in Oberpahlen. But he also wanted to develop education there more widely. A primary parish school already existed, concentrating on basic literacy – the Lutheran Church required its flock

to be literate, to be able to read Church books, and in Livonia the Church demanded that its pastors be fluent in Latvian or Estonian; consequently peasant literacy in Livonia was way above peasant literacy in Russia. Wilde had greater aspirations: he wished to set up an institution at the level of a university. This over-ambitious dream may have been inspired by the Academia Petrina, a higher-education college established by Duke Peter of Courland in nearby Mitau in 1768. Pedagogy was in fact a life-long interest and concern for Wilde, and his ideas on the subject were evidently established from an early date. His desire to make his pupils think for themselves, and to treat them as dignified individuals with their own rights and wishes, expressed in his scheme of medical education and his later writings, reflects fundamental principles of liberal Enlightenment pedagogy. This approach even extended to the treatment of animals – in 1770 Wilde published a treatise on horsebreeding – and it also informed his view of the surrounding Estonian peasantry: they were rational individuals, to be treated as fellow humans. Wilde was a convinced opponent of serfdom.

Wilde also attempted to spread enlightenment through other channels. He set up a short-lived 'Livonian and Curonian Economic Society' with its own Transactions; and he established his own printing press at Oberpahlen. Just as he had successfully obtained official permission for the unusual institution of a private country pharmacy, so he persuaded the provincial authorities in Riga to approve a private press. He was exempted from censorship, provided that he printed only his own works and that these 'should contain nothing contrary to religion, the state or the laws of the land'.

The printing house began work in October 1766, soon after Wilde's arrival in Oberpahlen. Apart from its publications, it had a small income from the production of ephemera, such as marriage announcements and occasional poems. But its output was very limited – only 16 titles published by Wilde are known – and it was unprofitable; in 1770 von Lauw bought it from Wilde and supported it and its losses himself. After Lauw's death in 1786 it was rented by one Michael Grentzius, who soon moved it to nearby Dorpat/Tartu. In 1791 Grentzius bought the press outright; he continued his publishing activities in Dorpat,

becoming printer to Dorpat University after its refoundation in 1802. So Wilde's press, despite its difficulties, became the foundation of an established nineteenth-century business. H. L. Bacmeister, based in St. Petersburg, declared that Wilde's undertaking, 'a censorship-exempt private printing operation in the countryside, in a province like Livonia', was 'such an unexpected phenomenon and so remarkable with regard to literature, that we cannot leave its origins and progress unremarked'. It was indeed exceptional in the then circumstances of the Russian Empire, since government or official institutions maintained a monopoly which was almost unchallenged until the 1770s, even in the capitals and the Baltic provinces, and provincial presses scarcely existed – things changed dramatically only after the famous 1783 decree on private presses. Wilde's press is also remarkable in being largely unknown in the literature.

Wilde's most active years were the 1760s and 1770s, but he went on working up to his death in December 1785. Lauw's death the following year brought evidence of the material difficulties of his and Wilde's work: his estate was declared bankrupt. Wilde and Lauw had undertaken a great deal, and must have had an impact, though this is hard to judge; but they evidently overestimated the receptiveness of their Livonian audience. Wilde's admirable, persistent and consistent striving to put his principles into practice was a sign of the times, and he was not alone in his work in Livonia; but his success in his 'second fatherland' was limited. Popular Enlightenment was big business in Germany, but despite the work of Baltic literati it was less in tune with the attitudes of more conservative native Baltic-German estate-owners, and still less with those of the mass of the Russian nobility.

Nevertheless, expressions of popular Enlightenment are also to be found in the heart of the Empire. A striking example is Jakob Sievers, whose work as Governor of Novgorod and Tver provinces has been analysed by Robert Jones. Sievers attempted to improve his enormous territory, the size of France, in much the same way that Wilde sought to improve the environs of Oberpahlen. As Jones put it, '[Sievers] was convinced that most forms of misery were the products of vice and ignorance, and that they could be eliminated through virtue and

enlightenment. [...] He saw most elements of the status quo as ripe for improvement'. But Sievers eventually fell out with his patron the Empress professionally because of the frustrations of his subordination to authorities in St Petersburg which he saw as unresponsive and hostile. Like Wilde, but at the highest level, he found that he could not fully realise his aspirations. However, the most elevated representative of this way of thinking about society in the Empire was not Sievers, but another German, Princess Sophie Auguste Friedericke von Anhalt-Zerbst: Catherine II. As Grand Duchess and neophyte Empress, Catherine read the German and Austrian cameralists and other European thinkers as well as the French *encyclopédistes* and Physiocrats. Most interesting here, however, is her basic mind-set, the view of life she brought with her from Germany. She came from an aristocracy steeped in hierarchical estate thinking; but her rather impoverished family also stood firmly in a tradition of Lutheran faith and military duty – specifically Prussian service – which also left an important imprint. Her childhood experiences of religion gave her a clear sense of the desirability of religious toleration. The same might be said of her approach both to horizontal social relations, among the elite, and to vertical social relationships: did her statement as Grand Duchess that enslaving one's fellow man is against both Christianity and natural law reflect childhood understandings of German practices and Lutheran ideas? Catherine's social policies as Empress essentially embodied the aspirations of the popular Enlightenment, nowhere more clearly than in the educational reform on which she finally settled in the 1780s. These things have been cited as expressions of Enlightened Absolutism; and so they were. What Wilde sought to do in Oberpahlen, Catherine II, Frederick II and Joseph II wished to do, *mutatis mutandis*, in their domains. Neither Wilde nor Sievers grasped sufficiently what was practically achievable in the particular circumstances of their work; Catherine by contrast was skilfully pragmatic, and she also balanced foreign and domestic requirements better than her adviser Sievers. Her Enlightened Absolutism was less single-mindedly radical than the sometimes unworldly efforts of Peter Wilde. But both sought to bring popular Enlightenment to their 'second fatherlands' of Russia and Livonia.

II. MANFRED SCHRUBA (Ruhr-Universität Bochum), "N. M. Karamzin's Poetological Poetry"

Poetic self-reflection didn't play a distinctive role in Russian 18th century poetry. For classicist poets the most appropriate place to discuss poetological topics was the didactic poem in the spirit of Horace's and Boileau's verse treatises on art of poetry. Besides the didactic current the appearance of the poetry theme in Russian classicism can, if at all, be observed in shape of some elements of literary tradition. The poets were little interested in poetological problems beyond questions of poetry rules – like the writer's conception of his own position and function in society, psychological implications of the creative process, finally, the literary work's impact on the reader. This circumstance is possibly connected with the peculiarities of the normative classicist poetics: firstly, occurrences which are not submitted to a rationalist approach (such as intuitive artistic procedures) fall apart from the area of poetological reflection; secondly, the classicist poet's image is a quite rigid constant corresponding to the genre applied by the author. The situation changes since the end of the 1780s, not least in the train of the new literary current of sentimentalism. In Karamzin's poetry of this period there is a lot of poems with poetological content. The character of these poems significantly differs from the autopoetical works of the classicist period.

The first of them is the poem *Poeziia* (1789). Its formal features – about 200 verses written in six-foot iambs – resemble at the first glance the epistles on poetic art in the spirit of Boileau. But the six-foot iambs here do not establish the customary alexandrine meter. The content is also different: Karamzin provides a kind of a mythical history of poetry. Divine by provenance, it is given to mankind in the state of paradisiac innocence, in which the first poets extol their blessedness and sing the praise of God; with the Fall of man the poetry is fallen, too; after that follows its rebirth and ascent; the particular stages of this

process – the biblical period, the ancient Greek period and the ancient Roman period; after the passages on classical antiquity follow immediately the modern times with passages on English and German-language poetry. Remarkable is the demonstrative absence of French poets, which can be hardly explained if not with a conscious rejection of the classicist poetics, which in its Russian variety was almost entirely oriented on French patterns. And so, already in Karamzin's first poetological poem distinctly emerge particular anti-classicist features. They manifest themselves in the refusal of mentioning French authors, most glorified by the coryphaeuses of the antecedent literary formation, and in the refusal of discussing any poetic rules.

In the first *Aonidy* booklet (1796) Karamzin has published the poem *Otvet moemu priiateliu, kotoryi khotel, chtoby ia napisal pokhval'nuu odu velikoi Ekaterine* – a subtle praise of the empress in an unusual manner of a 'quiet lyre', distinguished from the stereotyped devices of the 'roaring' lyre. The external division in three uneven quasi-stanzas underlines the three-part composition of the poem with a distinctly expressed logical structure of a syllogism with two premises in the first two stanzas and a conclusion in the third. If the first stanza is written in the spirit of sentimentalism, the second stanza represents a thematic, stylistic, rhetoric and metric quotation of the classicist panegyric solemn ode genre. In the third stanza there is again a sharp stylistic contrast; the simplification concerns not only the syntax and the rhetorics, but also the phonetic instrumentation. Three clearly distinctive styles in each of the stanzas can be considered as a manifestation of three stages of the development of Russian poetic language. If the second stanza is a representation of the classicist past, and the first stanza stands for the sentimentalist present, then the third stanza programmatically mirrors the future stage of the literary language's development. In the following Karamzin repeatedly exposed the corresponding language program – an orientation on a homogeneous universal style, distinguished by lucidity and elegance. It is a style of the cultivated salon visitor, who

avoids in his utterances scholarly ponderousness – in the name of lucidity, and plebeian rudeness – in the name of elegance.

In the second *Aonidy* booklet (1797) Karamzin published two lengthy poems devoted to the poet and poetry topic. One of them is the poem *K bednomu poetu*. If the preceding poetological poems consider the choice of a new *poetic tradition* and the search for a new *poetic language*, so in the next one the attention is focused on the *poet's image* and on the *creative process*. In comparison to the poet's image in Russian classicist poetry and to real biographies of the epoch's literati – mostly civil servants or army officers – Karamzin's image of a 'poor poet' looks quite non-traditional. His 'poor poet' is poor because he does not serve anywhere as he refuses to serve. Against material profit as a motif for literary activity Karamzin sets the idea of self-sufficient poetic talent. The genuine glory is not longer a reflection of the monarch's glory, when the poets praise them in panegyric works; this is a glory attained by a self-sufficient, autonomous poetry obtaining dignity from itself. The second main poetological concept of the poem consists in the emphasizing of the meaning of phantasy, poetic imagination in the process of artistic creation. The factual pauperism of the 'poor poet' transforms into a poetological picture of a psychologic attitude required for creative activity – a condition including such qualities like curiosity, undullness of the sense organs, craving for impressions, readiness for the search of creative ideas and solutions. Poverty, as a metaphor of creative non-saturation, provides richness of poetic imagination. The poet appears in the poem as an 'artful liar'. The poetological sense of this approximation of creativity and poetic imagination to lying can be seen in the circumstance that it sharply contradicts the postulates of classicist poetics, in particular, its orientation on reliability and on literature's didactic function.

In the same *Aonidy* booklet Karamzin also published the poem *Darovaniia*. It represents a kind of a solemn ode to poetic creation. Not only the rhyme pattern in the decastichs, but also the stylistic features, the language and the pictoriality connects this poem with the genre of the classicist panegyric ode. Karamzin describes the emergence of

Art – the origins, circumstances and conditions of the apparition of artistic creation in the history of mankind. The initial term is 'Nature', implying nature beauty. To the apparition of Art contribute the intellectual abilities and the emotional susceptibility of the artist. Still, to transform Nature in Art the performance of a genius is required. Karamzin among the first in Russia uses this term (cardinal for German poetological conceptions of the Sturm und Drang period) for the designation of an exceptionally gifted artist. Some ideas of the poem seem to be inspired by German art theoreticians, especially by Immanuel Kant's *Kritik der Urteilskraft* (1790) and by Gotthold Ephraim Lessing's *Laokoon: oder über die Grenzen der Malerei und Poesie* (1766). The poem develops and heightens the main poetological thoughts of the previous poem; the idea of poetic imagination is enhanced by the concept of genius, and the topic of autonomy and self-sufficient dignity of poetry is supplied by the conception of immortal poetic glory.

In the third and last booklet of the *Aonidy* (1798–1799) Karamzin has once more placed a text devoted to the theme of the poet and poetic creation – the verse epistle *Protei, ili nesoglasiiia stikhotvortsia*. The poet compares himself to Protheus – a goddess from Greek mythology, supplied with the gift of prediction and the ability to transform into different shapes. By using the Protheus image Karamzin develops the thought of a thematic and emotional multiplicity of poetic creation outlined in the former poems. New is the nuance of inconsistency underlining the idea of freedom and unbridledness of the creative process. Comparing to the former poems, special emphasis is made on susceptibility and sensitiveness as an obligatory precondition of artistic creation. As the main poetical emotion appears the feeling of love. Karamzin considers the relation of sensitiveness and poetical creation. He characterizes the affiliation of love and poetry with a series of aphoristic remarks; he is aware that the supremacy of emotionality in creative thinking is afflicted with the 'inconsistencies' mentioned in the title – as a possible violation of inner logic, compositional and thematic integrity; but these are secondary problems because they do not affect the genuine purpose of poetry, which can be described as a phenomenology of

feelings, enhanced by two other objectives – to touch and to please the reader. By rendering emotionality as the foundation of poetical creativity, Karamzin – in succession of the Germans of the *Empfindsamkeit* school – makes another step withdrawing him from the rationalist poetics of the classicism.

The main stages Karamzin has passed on this way are: in the poem *Poëziia* – the rejection of old French patterns and the choice of a new etalon in the shape of English and German poetry; in the poem *Otvét moemu priiateliu* – the rejection of the restraints of a distinct generic, thematic and stylistic division of classicist poetics and the idea of a new literary language unbridled by the three style theory; in the poem *K bednomu poetu* – the declaration of the autonomy of poetry and of the self-sufficient dignity of the poet beyond the social order of the court; in the poem *Darovaniia* – the introduction of the idea of genius and poetical immortality; and, finally, in the poem *Protei, ili nesoglasiiia stikhotvortsa* – the rejection of the classicist priority of reason and the declaration of the priority of emotions.

III. ED WEEDA (Dordrecht), "Politics and Morals: the Functional Diversity of the 18th-Century Epic"

As Cynthia Hyla Whittaker has very convincingly shown in her book *Russian Monarchy. Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue* (2003) rulers, writing justification literature, and writers, writing advice literature, were in political dialogue with each other, in an attempt to achieve the general welfare for Russia. As representatives of one the 'high genres', the Russian epicists of the 18th century certainly participated in this dialogue, each, of course, having their own motivation to write an advisory text. In this paper only original Russian texts that consist of at least one completed canto will be discussed, which leaves out Trediakovskii's *Tilemakhida* (in spite of the importance of the original text for the education of future rulers), as well as the efforts of Maikov, Sumarokov, and Derzhavin. For a detailed account of the development of the 18th-century Russian epic in relation to questions of rulership and national consciousness I refer to my article 'Rulers, Russia and the 18th-Century Epic', which will be published in SEER, April 2005.

Kantemir's *Petrída, ili opisanie smerti Petra Velikago* (1730) was the first step in the development of the epopee in Russian literary history and it was unmistakably politically motivated. The poem concentrates around the characterisation of the deceased tsar, which forms the basis for the political exemplary function of the poem. Peter is depicted as an absolute hero, the perfect ruler who possesses qualities that were considered virtues in both Hellenistic culture and the Christian Church: justice, foresight, wisdom, soberness, courage, temperance, faith and love. The question of factual correctness is obviously of secondary importance. Temperance, for instance, was certainly one of Peter's underdeveloped virtues.

This image of human perfection is held up before Anna Ioanovna. In a key passage of the poem, which at first sight seems to be a laudation of Anna, the author in fact merely

expresses his hope that Anna will prove to be a better ruler than Catherine I and Peter II. The expression of hope implies a discreet appeal to follow the example of Peter the Great and as such is nothing less than a political statement. It was Anna's task to re-establish the innovative spirit of the Petrine reforms that had been undermined by conservative forces after Peter had died. In this context it may be remarked that Kantemir in 1730, together with A.M. Cherkasskii and V.N. Tatishchev publicly plead for the absolute power of the monarch as institutionalised by Peter, who was disputed by the Verkhovniki and other groups of Nobles who tried to secure civil and political rights for their social estate. Anna's accession to the throne in February 1730 formed a good occasion to remind the new empress of the merits of her illustrious ancestor and to criticize the politics pursued by Catherine I and Peter II that had led to the decay of the attainments, realised under the reign of Peter the Great. Anna was to once again create order out of chaos, to regain the lost respect of the other nations and to restore Russia's position in the field of international politics. The kinship that initially seems to provide a reason for panegyric on Anna actually implies an imperative obligation for the new empress to imitate and surpass the exemplary image of her ancestor.

The two cantos of Lomonosov's *Petr Velikii* appeared in 1760 and 1761 respectively. Like Kantemir's *Petrída*, the poem has an exemplary function, which, when perceived against the background of the political situation Russia was in when Lomonosov wrote his poem, had a political bearing. Encouraged by Ivan Ivanovich Shuvalov, Lomonosov started to work on his epic not later than November 1756, the same year in which Elisabeth Petrovna's health declines and her favourites, Aleksandr and Ivan Shuvalov, started to play a more prominent role in state policy.

Legitimacy of the ruler and stability of government, which because of Elisabeth's poor health and the increasing influence of the Shuvalovs on policy became items of interest in the late fifties, are central themes in the first canto, which describes the inner-political problems Peter was confronted with in his early years. Peter's opponents are all

guided by ignorance and uncontrolled passions, and their actions bring chaos to the country. Those who support Peter and his policy of reform are guided by Reason and Knowledge, two categories that were highly estimated by the Shuvalovs and by Lomonosov himself. Again Peter is portrayed as the absolute hero, an example for the other rulers of the world, his daughter Elisabeth included. Like Anna, Elisabeth has the task to follow her father's steps, a duty that would be transferred to Elizabeth's counsellors in case of the empress' incapability of government. She is to continue the line of innovation and historical advance by completing Peter's program of reforms in order to eventually reach the ideal situation that forms the end of historical development: The Golden Era.

Mikhail Kheraskov's *Chesmesskii boi* (1771) marks the introduction of a new conception of the epic. The poem is not about a single, absolute hero, but about a successful and important national-historic event: the sea battle in the Gulf of Chessme against the Turkish fleet in 1770 that was won by the Russians. Instead of the single image of the ideal ruler, Kheraskov presents a multitude of ideal heroes that actively take part in the narrated event. As a consequence the exemplary function of the poem is not primarily focused on the current ruler, and the political statement made is of a more general character. It is the task of the next generation of generals, admirals and soldiers to follow the example of the Russians depicted in the poem, so that the victory in the Gulf of Chessme would eventually lead to the total subjection of the Turks. The responsibility to achieve the general welfare is no longer carried by the ruler alone: the tsar's male subjects, in their role of 'syny otechestva', have their responsibilities as well. The emperor's task is to serve the interests of the state, guided by reason. The generals and soldiers in their turn should serve both state and ruler in an appropriate way: the fatherland in the mind, Catherine in the hearts, whereby the personal interest is always placed second to the interests of nation or state.

More than military successes, however, moral superiority not just over the defeated Turks, but also over the other European peoples, the ancient Greeks included, is required to achieve the general welfare. The strength, the high ethic standards, the flowering of arts and

sciences and the prosperity that characterise Russia under the reign of Catherine the Great as depicted in *Chesmesskii boi* make the country the modern substitute of ancient Greece. Russia is profiled as the new cultural centre of Europe and the saviour of the civilized world. The fulfilment of this Messianic prophecy, which coincides with the emergence of the ideal society, largely depends on moral factors, since it is the result of a combination of the ideal form of government – absolute monarchy – and Christian-ethical purification and inner perfection of the individual, leading principles in the Masonic circles of which Kheraskov was a respected member.

The functional shift from a predominantly political advisory text to a moralistic advisory text is completed in two of Kheraskov's major epic poems: *Rossiiada* (1779) and *Vladimir Vozrozhdennyi* (1785). In both poems the realisation of paradisiacal conditions in Russia is associated strictly with the spiritual side of life. To restore the original condition from before the fall of man, each person should resign himself to God's decrees and to the Laws of Nature in order to obtain divine wisdom (*premudrost'*). Science, interpreted as the study of the works of God by many of the early modern scientists, helped to reveal the divine plan that underlies nature and was considered one way to reach God. Introspection was another way to find the laws of God and Nature. It would result in a natural revelation of reason, whereby, as Locke wrote in his *Essay Concerning Human Understanding* (Book IV, Chapter 19, section 4) "The Father of Light, and fountain of all knowledge, communicates to mankind that portion of truth which he has laid within the reach of their natural faculties".

This portion of divine truth (*istina*) should be the point of departure for every ruler who strives after the general welfare of the country and the people he or she reigns over. The process of how to reach this grade of moral perfection and how to obtain this 'istina' and Reason that should guide every decent monarch as well as every decent subject, Kheraskov describes in his *Rossiiada* and *Vladimir*.

It is obvious that this kind of epic requires a different method of characterisation of persons than we have met in *Petrída* or *Petr Velikii*. The main characters are by no means the absolute and exemplary heroes that we find in the epics of Kantemir and Lomonosov. Both Ioann and Vladimir do not represent the ideal image of a tsar right from the start, and even at the end of the poems, after they have been reborn, the danger to fall back into their old sinful way of life and to loose again all that had been gained is still present.

To support the main characters in the process of moral purification, required to become a worthy ruler, Kheraskov introduces persons, who represent the virtues Ioann and Vladimir initially lack. In *Rossiada*, for instance, Adashev is Ioann's example in political and court affairs. As a man of virtue Adashev is a white crow at Ioann's court, which he would have been at Catherine the Great's court as well and which makes him an example for Kheraskov's contemporaries. The same is true for Kurbskii, who represents the military power and resoluteness that Ioann and the other members of court lack.

Ioann's third and most important helper, Vassian, represents all the moral virtues an individual, rulers included, should possess in order to be able to contribute to the achievement of the state of general welfare. Thus, in *Rossiada* and *Vladimir* the achievement of 'obshchee blago', the certificate of good government, goes hand in hand with a modest, devout, ascetic lifestyle, in which 'truth' and 'sincerity' are keywords. A lifestyle that in some of its aspects is hardly ever associated with court life during the reign of Catherine the Great. And despite the panegyric passages that present Catherine as the exemplary ruler for all the other earthly monarchs, this seems to be Kheraskov's moral lesson for Catherine and her courtiers. The favourites and courtiers that surround Catherine resemble Kheraskov's flatterers like Glinskii, or intriguers like Sagrun, whereas they should resemble characters like Adashev, Kurbskii or Vassian. Catherine herself lacks the piety and devoutness that plays a vital role in the conception of the ideal ruler held up by the influential Masonic section of society. Furthermore, Catherine's mild attitude towards other religions, her sceptical attitude towards freemasonry and especially her rationalistic

worldview, as opposed to the spiritual conceptions of 'premudrost' and 'istina', are not in line with Kheraskov's ideas about the perfect ruler.

Tsar', ili spasennyi Novgorod, Kheraskov's last large epic poem, appears in 1800 and is dedicated to Paul I, who came to the throne in the same year. The political statement is made more emphatically in *Tsar'* than in Kheraskov's previous epics. The poem is Kheraskov's contribution to the discussion about the ideal form of government, about revolution, about tyranny, equality and liberty and about the relationship between the ruler and his subjects, in which Kniazhnin, Plavil'shchikov, and later Ryleev, Pushkin and Lermontov participated.

A clear-cut political statement on the title page of the poem leaves no room for doubt about the position taken by Kheraskov in the discussion: "Tsars are Gods that can be seen by us, and their will is sanctified power". For Kheraskov any question about political equality between the ruler and his subjects is completely out of order. A country that lacks a powerful monarch will soon be bowed down by disorder, caused by parties that demand liberty and equality. The historical situation Kheraskov repeatedly refers to, is the French Revolution, which he describes as "the disgrace of our era that brings shame to the human kind", thus placing the political events in a moralistic context. Nobles who support the revolutionary ideas are depicted as traitors. Their neglect of the traditional values is an offence against the laws of religion, the laws of nature and the natural order of things, for this occasion applied to the social structure of society. These nobles confuse liberty with a lack of control and the possibility to do whatever one deems well for one's own interest. Here Kheraskov seems to refer to article 67 of Catherine the Great's *Nakaz* of 1767, where it reads, that "social and civil liberty consists not in doing every one as he pleases". As for Kheraskov, real freedom of the people can only be realised under the reign of an autocratic ruler whose power is based on (but not necessarily restricted by) laws. Approximately the same applies to the people's desire for equality. Pure rationality ('umstvennost') – as opposed to 'razum' or 'premudrost' gained by revelation – denies the power of God and

eventually undermines the power of the tsar, the legitimate ruler, who is God's representative on earth. Again jurisdiction, based on high ethic standards and on the principals of natural law and its hierarchic order of things, is the only possible way to secure real equality.

IV. KIRILL OSPOVAT (MOSCOW), "Aleksandr Sumarokov and the Social Status of Russian Literature in the 1750-60s"

In this paper I argue that the strategies underlying Sumarokov's behaviour both as a writer and as a member of the social elite were governed by his views on the status of literature in society. In his article, "Sumarokov und Boileau", Joachim Klein suggests that the ideal of politeness – *politesse* – can not be applied to the Russian society of Sumarokov's time, and that the poet's behaviour was modeled on that of the rude philosopher – *le philosophe*. Here I propose a hypothesis that challenges that claim. It takes as its starting point the observations made by Klein in another paper, namely, that Sumarokov's tragedies served the literary tastes of the empress Elizabeth and her court, and that during Elizabeth's reign the court was Sumarokov's only audience. For Sumarokov, who belonged to the nobility and was an adjutant of the "Night Emperor", Aleksei Razumovskii, poetry was integral to the life of the court and the aristocracy in general, and thus the social standing of a poet was equivalent to that of a courtier.

Breaking with the traditions of his own class, Sumarokov declared poetry to be his main occupation. He had no other choice after he was dismissed from his position as director of the Russian theater in June 1761: Ivan Shuvalov, the empress's favorite, was not satisfied with Sumarokov's management skills, and Sumarokov was even accused of embezzlement. Nevertheless, Shuvalov decided to represent the poet's retirement as both voluntary and honorable. The ukaz given to the Court Office reads: "E. i. v. izvolila ukazat': gospodina brigadira Sumarokova, imeiushchago direktsiiu nad rossiiskim teatrom, po ego zhelaniiu ot sei dolzhnosti uvolit' [...] I vseilostiveishe ukazala za trudy ego v slovesnykh naukakh, kotorymi on dovol'no zdelal pol'zu, i za ustanovlenie Rossiiskogo teatra, proizvodit' zhalovan'ia, kakovoe on nyntche imeet bez zaderzhaniia. Gospodin Sumarokov [...] Budet starat'sia, imeia svobodu ot dolzhnostei, usugubit' svoe prilezhanie v

sotchineniakh, kotorye skol' emu chesti, stol' vsem lyubiashim chteniie, udovol'stviie prinosit' budut".

The contents and style of this ukaz have little in common with the standard Russian bureaucratic formulas of the eighteenth century. Moreover, they are so flattering to Sumarokov that he could have well have composed the ukaz himself. He now found himself in the position of court poets during the age of Louis XIV, who were paid for being poets alone. Louis Racine wrote in the biography of his illustrious father in 1747: "He could not even hear of any occupations that were contrary to the spirit of the Muses; poetry was the only thing he loved". Likewise the famous actor Ivan Dmitrevskii, whose acquaintance with Sumarokov dates to the 1750s, wrote about his retirement in 1807: "On mog by dostignut' do samykh vysokikh chinov; ni nakonets vozlubia spokoistvie dushi, ne zhelal byt' ni voynom, ni sudieiu, ni pridvornym chinovnikom, no liubochestvoval byt' filosofom, piitom i priamym chelovekom". Sumarokov's retirement thus laid the foundations for his social identification as a writer.

In his post-retirement writings Sumarokov defended literature as an occupation that deserved social approbation. For example, he wrote to Catherine in March 1770: "D'être un grand capitaine et vainqueur est un grand titre, mais d'être Sophocle est un titre qui n'est pas moins". The comparison between the social standing of a military commander and a poet is here topically relevant, alluding as it does to the conflict between Sumarokov and General Petr Semenovich Saltykov, the governor of Moscow, over the staging of one of his plays. At the same time it corresponds to a long tradition of apologies on behalf poetry that goes back to a speech by Racine before the French Academy. Sumarokov uses this argument once more in a draft translation of a poem by Frederick the Great, "Croyez que si j'étais Voltaire" (1757). The poem was first published in January 1758, but Sumarokov probably did not start translating it until early 1762, when the accession of Peter III to the Russian throne and the cessation of hostilities against Prussia made conditions more

acceptable for the reception of a poem by Russia's arch enemy. Sumarokov's accurate translation reads:

Kogda b ia byl Vol'terom,
I ne byl na prestole,
Dovol'stviias' by malym,
Nye tverduiu fortunu
Ia sam unichtozhal [...]
Na chto mne chaiatel'na slava
Zhit' posle smerti,
Vo khrame pamiati?
Odna minuta schast'ia stoit
V istorii t'my let [...]
Priiatnosti utekhi
Prirodnoi prostoty,
Ne sonnoe vesel'e,
Vsegda ot pyshnosti i ot nachal'stva,
Velikikh ubegali.
Tolpa sikh prelestei
Sodruzhestvennaia svobode
Zabavy prazdnia predpochitaet
Surovym dolzhnostiam [...]
Vol'ter v uedinenii svoem [...]
Podvergnut'sia udobstvuet spokojno
Zakonu dobrodeteli premudrykh [...]
A mne pogibel'iu volneniia grozimu,
Prenebregaia buriu, dolzhno
Tak myslit', zhit', umret',
Kak dolzhno Koroliu.

I would like to suggest that this translation can be seen as Sumarokov's attempt to justify his social status as a poet. Frederick says that the position of a poet is preferable to that of a warrior. Voltaire, who is mentioned here and who was Sumarokov's most important model in European literature, could be regarded as a professional poet. Voltaire describes himself as such in his memoirs written in the 1770s. In a letter to Frederick (1749) he wrote that poetry was his main occupation, his *métier*. The concept of the poet expressed in Frederick's "Croyez que si j'étais Voltaire" may also be traced back to Voltaire, more specifically to his early anacreontic poem, "Sur l'usage de la vie", which elaborates the hedonistic ethics of the aristocracy. Voltaire describes poetry as an occupation of an enlightened aristocrat or courtier, for whom intellectual exercises are more

important than a career in the military or civil service. He opposes the eagle to the nightingale, the general or minister to the poet:

Passez du fracas des cours
A la douce solitude;
Quittez les jeux pour l'étude:
Changez tout, hors vos amours.
D'une recherche importune
Que vos coeurs embarrassés
Ne volent point, empressés,
Vers les biens que la fortune
Trop loin de vous a placés:
Laissez la fleur étrangère
Embellir d'autres climats;
Cueillez d'une main légère
Celle qui naît sous vos pas. [...]
Et tandis que l'aigle altière
S'applaudit de sa carrière
Dans le vaste champ des airs,
La tranquille Philomèle
A sa compagne fidèle
Module ses doux concerts. [...]
On voit souvent plus d'un roi
Que la tristesse environne;
Les brillants de la couronne
Ne sauvent point de l'ennui:
Ses mousquetaires, ses pages,
Jeunes, indiscrets, volages,
Sont plus fortunés que lui.

In a poem published only posthumously Sumarokov adopts the anacreontic mode of Voltaire's poem to express the same hedonistic vision of the poet's calling:

Otkupit'sia mne ot smerti,
O stikhakh by ia ne dumal,
O bogatstve by ia dumal:
Stikhotvorstvo Stikhotvorstva
Ot mogily ne izbavit:
A svoei on vechnoi slavy,
Vechno chuvstvovat' ne stanet;
No stikhi daia narodu,
Lyudyam delayu zabavu,
A bogatstvo sobiraia,
Im ne delaiu zabavy;
Tak bogatogo pochtennei
Mnogokratno Stikhotvorets [...].

As we can see, in the poems by Voltaire and Sumarokov the ideology of aristocratic idleness directly supports the poet's inclusion in the ranks of high society. Sumarokov navigated these ranks with ease, priding himself on being a stimulating and witty conversationalist. Semen Poroshin, tutor to Grand Duke Paul, confirms that Sumarokov was known for his wit; this was for Sumarokov the main area where a writer could win respect in high society. Dmitrevskii writes: "Sumarokov liubil veselit'sia, smeiat'sa, i potomu okhotno poseshchal soovbschestva blagoprystoinyia. V veselom dukhe imel on dar zaniat' svoeu ostrotoiu mnogochislennuiu besedu i ee razveselit' [...] Sovershenno razumeia iskusstvo obkhozheniia, izoschren obshirnym utcheniem, koego nikogda ne vykazyval, snabden poznaniiami ne pedantskimi, odarem krasnorechiem prirodnym, poluchal on udobno verkhovnost' i pervenstvo nad vsemi sobesednikami; tut-to on byl istinnyi vitiia i stikhotvorets".

Portraying Sumarokov in this manner, Dmitrevskii exploits the same motifs as Voltaire, characterizing the poet as one who combines profound learning and sparkling wit.

This notion of the poet underpins Sumarokov's demands for social approbation. Translating Frederick's poem, he probably had in mind the future king's first letter to Voltaire, dated August, 8, 1736 and first published in Voltaire's *Oeuvres* of 1748. The poem paraphrases several paragraphs in the letter that characterize the relationship between poet and the future king – a relationship of the sort Sumarokov could only dream of cultivating: "Vos poésies ont des qualités qui les rendent respectables et dignes de l'admiration et de l'étude des honnêtes gens. [...] j'ai senti que les avantages de la naissance, et cette fumée de grandeur dont la vanité nous berce, ne servent qu'à peu de chose, ou pour mieux dire à rien. Ce sont des distinctions étrangères à nous-mêmes, et qui ne décorent que la figure. De combien les talents de l'esprit ne sont-ils pas préférables! Que ne doit-on pas aux gens que la nature a distingués par ce qu'elle les a fait naître!"

Once more Frederick argues that intellectual talents are more deserving of respect by men of true nobility (*honnêtes gens*) than the advantages afforded by birth or high social

standing. The society of *honnêtes gens* was Sumarokov's ideal audience; in the real world of the Elizabethan court this society consisted of a small circle of aristocrats who appreciated belles-lettres. Although the empress herself paid little attention to literature, but – beside her love for the theater – we know at least two cases when she read – or at least scanned – books of poetry. In 1743 she allowed Kantemir to dedicate to her a manuscript collection of his literary works; in 1752 she gave her imprimatur to Trediakovskii's *Sochinenia i perevody* and financed its publication. Beside the Empress and her favorite, Ivan Shuvalov, we must mention vice-chancellor and later chancellor Mikhail Vorontsov; the President of the Academy of Sciences Kirill Razumovskii; and the Russian ambassador to Sweden and later tutor to Grand Duke Paul Nikita Panin. Already in 1748 Vorontsov sent copies of Lomonosov's and Trediakovskii's works to Panin. In the same year Panin wrote with regard to an ode by Lomonosov: "Est chem, milostivoi gosudar', v nyneshnee vremia otechestvo nashe pozdravit". In his diary Semen Poroshin recounts that Panin said of Lomonosov and Sumarokov: "Kak oni dvoe perevedut'sia, tak [...] ne vidat' eshche, ktob nam vmesto nikh sluzhit' mogli".

The literary education of these aristocrats was based on the manuals for noblemen and courtiers that came into fashion after the publication of *Yunosti chestnoe zertsalo* and were often translated and republished in Elizabeth's reign. These manuals also depicted the ideal of the worldly intellectual, who, despite his proximity to the court, appreciates learning. Abbé Bellegarde (*Sovershennye vospitanie detei...*, translated into Russian in 1747) says that a perfect gentleman "ucheniiia, chteniia i nastavleniia ne preziraet"; the manual, *Istinnaia politika znatnykh i blagorodnykh osob*, translated by Trediakovskii, states: "Nevozmozžno somnevat'sia, chtob nauka nye byla polezna znatnomu i blagorodnomu cheloveku". Sumarokov himself had the same idea of a nobleman's conduct; in his comedy, *Narciss* we find Timant, a nobleman, spending a good deal of time at home reading books; when Kornilii invites him to go hunting, Timant says: "Tak edak i ot Boga i ot liudei i ot samovo sebia otstanesh; nadobno inogda i doma posidet".

This notion of what it meant to be an aristocrat could readily accommodate writing as a professional activity. Panin said in 1764: "Umet' stikhi delat' i znat' pravila poezii pokhval'no". In one of the articles published in 1763 in the university journal, *Svobodnye chasy*, poetry is described as an important part of a nobleman's education: "Mnogie dumaiut, chto stikhi pisat' bezdelitsa [...] Kto bol'she v nevezhestve utopaet, tot bol'she preziraet stikhi: i ot togo proizoshlo zakluchenie, chto balgorodnomu cheloveku stikhi pisat' podlo. Mne kazhetsia, net blagorodnee uprazhneniia, obrashat'sia v naukakh. Ne vsem dolzhno dvorianam byti stikhotvortsami, a ne prezirat' stikhotvorstva, konechno, dolzhno vsem...."

This is exactly what Sumarokov had in mind. It should be added that the few enlightened aristocrats of Elizabeth's time did indeed recognize that a writer was worthy of respect in high society. In a letter to Vorontsov written in 1748 Panin states that the latter "has respect for the learned". Nevertheless, Sumarokov, though a nobleman, failed to gain the respect he sought; paradoxically it was Lomonosov, the son of a fisherman, who succeeded in doing so. In a letter to Shuvalov, Vorontsov refers to Lomonosov as "nash drug". Neither of them could have spoken of Sumarokov in such terms.

ARTICLES

I. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ШИШКОВА 'СТАРОЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ'

В 1784 году в журнале *Собеседник любителей российского слова* А. С. Шишков опубликовал небольшое (32 строки) стихотворение 'Старое и новое время'. Две строфы этого стихотворения развивали излюбленную Шишковым тему: притивопоставление старого и нового. И старое, разумеется, было лучше нового: в старину люди не лгали, супруги не изменяли друг другу и пр. Стихи были хорошо написаны, видимо, понравились читателям, и Шишков опубликовал их еще дважды. В 1789 г. в журнале *Беседующий гражданин* и в 1804 году в *Друге просвещения*. Здесь стихи были названы: "Песня Старое и новое время, или Кашель, не дающий оканчивать слов. (Перевод с французского)". С каждой публикацией стихотворение увеличивалось в размерах и в "Друге просвещения" состояло из восьми строф по шестнадцати строк в каждой. Каждая строфа начинается со слова "Бывало ..." (в прежни веки, прежни годы, в прежни поры и т.д.), чему противопоставляется "А ныне уж не так...". При этом каждая строфа действительно заканчивается саркастической имитацией кашля, намекающего на дальнейшее печальное или фривольное развитие событий:

Мать верит похвалам,
А дочка всем словам,
Что шеголь ей болтает;
Она слабеет, тает,
И честь ее пошла-
Каха, кахи, каха!

В последний раз Шишков напечатал этот текст в 1831 году в четырнадцатом томе *Собрания сочинений и переводов*.¹

Стихи пользовались популярностью: они довольно часто встречаются в рукописных копиях. Одна из таких копий находится в архиве Олениных. И называется Рондо. 'Старое и новое время'.² Текст содержит стихотворения Шишкова с незначительными разночтениями. Это ошибки переписчика, замена собственных имен (Клит – Улит, Меликрета – Маргарета), перестановка отдельных строк, иногда пропуск строк (до четырех подряд). Замена некоторых слов (в беде – в суде) и пр. Восьмая, последняя, строфа у Шишкова выглядит следующим образом:

Бывало в прежни поры
Девичьи скромны взоры
Ни пышностью пиров,
Ни множеством даров,
На честность обращенны,
Не смели быть прельщенны;
А ныне уж не так:
Пред златом честь пустяк.
В богатом экипаже,
Хотя б был черта гаже
И всех глупее Клит,
Однако убедит
Младую Меликрету,
Забывшись, сесть в карету
И ехать с ним ... куда?
Каха, кахи, каха!

В Оленинском списке конец строфы таков: "... убедит // Младую Маргарету, // Забывшись, сесть в карету // И ехать с ним туда // Каха!

Дело однако не в этих мало значительных разночтениях. Самое интересное, что в Оленинском списке за последней у Шишкова восьмой строфой следуют раннее не известные еще десять. Вот их текст. Строфы понумерованы мною. Мною же расставлены знаки препинания. Орфография приближена к современной.

9.

Вот так-то встарь бывало:
Украл кто много или мало,
Был беден иль богат,
Вельможил родной брат,
Ему не уважали,

За деньги не прощали,
А ныне уж не так:
Ворует, грабит всяк
Скорее, чтоб нажиться,
С Вельможей поделиться,
В деревне после жить
Емцом³ лишь только слыть.
Кто ж мало наворует,
Тот ссылки не минует
Семья ж его пошла
Каха!

10.

Бывало в прежни веки
Лишь чтили человеки
Достоинство одно.
Чрез них то лишь они
Верх взять над подлой лестью
С одной только честью
Весьма блаженны дни.
Ныне ж Случаи одни
Блаженство доставляют,
Богатством наделяют.
Будь случай – ум на что,
Достоинство ничто.
Невежа торжествует,
Богач в чинах ликует
А умница пошла
Каха!

11.

Бывало встарь смеялись,
Что люди занимались
Одним лишь щегольством
Кудрями и лицом.
По платью хоть встречали,
По нем не провожали.
А ныне уж не так:
Не щеголь кто – дурак.
Везде им презирают,
Им в обществах скучают:
О чем с ним речь начать?
О книгах рассуждать.
Тьфу! ... Это наоело.
Наука. Скучно дело.
Ученость же пошла
Каха!

12.

Бывало встарь сбирались
И в общество съезжались
Сидеть и рассуждать,
Друг друга наставлять,
Порокам лишь смеяться,
О чести не ксаться.
Что ж нынче все не так.
В собрание ездит всяк
Над ближним чтоб ругаться,
На честность покушаться,
Чтоб в карты поиграть,
Других обворовать
Или всего лишиться,
С имением проститься,
Закашляться итти
Каха!

13.

Бывало в Стары годы
Блаженные народы
Имели чист закон.
Он был ученья полн,
Был кроток, был полезен.
А ныне Суевер,
Ханжа и лицемер
Законом управляет,
Святыню унижает.
Он учит по страстям,
Подвержен коим сам.
Вся вера истребилась,
Тщете поработилась,
А набожность пошла
Каха

14.

Бывало в прежни годы
Такой не знали моды,
Чтоб дружбу на Словах
А злобу на делах
Друг другу изъевляли,
Политики не знали,
А ныне уж не так,
Лишь ступишь один шаг,
Найдешь друзей ты тучу,
Но только камней кучу
За пазухой держи,

На случай береги.
Хоть руку пожимают,
Все в свете обещают,
Смотри, чтоб не пойти
Каха!

15.

Бывало в Стары веки
Женаты человеки
Род не были быков,
Ходили без рогов,
Рогами не хвалились,
От них не богателись.
А ныне уж не так.
Кто хочет быть богат,
Жену тот выбирает,
На прелесть лишь взирает.
До нраву нужды нет.
Злотой уж дождь пройдет,
Вельможа коль полюбит,
Муж в рог тогда затрубит,
Что женушка пошла
Кахи! – Кахи! – каха!

16.

В дни прежние бывало
Судей хоть было мало,
Забыли все Судьи
Бывали хоть и пни
(То изредка случалось
И задиво казалось),
А ныне уж не так:
В Судейки лезет всяк,
Хоть грамоте не знает,
А взятки обирает.
Всем правит Секретарь,
И пошла эта тварь
Ворочает делами,
Судьями и их умами.
А честность вся пошла
Каха!

17.

Встарь прежде как бывало:
Богатова нимало
За то, что он богат,
Иль знатному, что Свят,
За то не уважали,

Почтенья не казали.
А ныне уж не так:
Хотя б он был дурак,
Лишь только что заврется,
Все общество займется
Иль дакать иль зевать,
Но правду чтоб сказать,
Изволил что завратся,
Возможно ль тому стать
Заклады вошли
Каха!

18.

Все в свете переменилось,
Все благо истребилось.
Зло взяло над всем верх,
Зло правит умом всех.
Все в свете лицемерство,
Все в свете суеверство

Последняя строфа не может быть построена по заданной схеме; “А ныне уж не так”. Может быть она замыкала стихотворение и поэтому сознательно была сделана укороченной (6 строк вместо 16). Возможно, однако, что дошедший текст не полн: он обрывается в конце страницы, а обложка, на которой могло быть продолжение, в тетрадке отсутствует.

Название стихотворения ‘Рондо’ подтверждает указание Шишкова, что перед нами перевод с французского. Поэтические словари определяют *рондо* как стихотворение из 13- 15 строк (в нашем случае – 16) с повторяющимся рефреном. Может быть, Шишков действительно перевел полностью состоящее из двух строф стихотворение, а потом, окрыленный успехом, добавлял новые строфы.

К сожалению, французский оригинал нам не известен. Однако популярность стихотворения свидетельствует, что в сознании читателей оно с успехом укладывалось в русские нравы. И неизвестный автор тоже продолжил новыми строфами популярное стихотворение. Вряд ли оригинальное французское рондо могло состоять почти из трехсот стихов.

Трудно что-либо сказать о времени создания этого продолжения. Листы, на которых оно написано, сложены пополам в тетрадку, и водяные знаки приходится как раз на середину. Это затрудняет даже ненадежную датировку по водяным знакам. Можно предположить, что стихи написаны позднее 1804 года, когда Шишков в третий раз опубликовал в *Друге просвещения* свою наиболее полную версию.

Очень трудно увидеть в этих стихах какие-то конкретные намеки – автору важна общая идея и изобличение общих пороков современности: взяточничество, щегольство, неблагодарность, празднословие и пр. Может быть, строфа десятая ассоциировалась с любимцами Александр¹ из Негласного комитета (вряд ли слово *случай* для обозначения фаворитизма имеет в виду царствование Екатерины II), а строфа тринадцатая напоминала о каких-то не совсем ортодоксальных религиозных увлечениях и действиях царя и его окружения (невозможно уточнить эти предположения из-за отсутствия даже приблизительной датировки).

Столь же трудны и неопределенны размышления об авторе обнаруженных строф. Вряд ли это Шишков. Стихи совершенно подцензурны, и он, наверное, включил бы их в последнюю публикацию собрания сочинений. Кроме того, они явно слабее, чем известные нам строфы Шишкова: слабые неудачные рифмы, сломанный размер, неудачные словоупотребления и пр. Сказанное справедливо даже с учетом возможной порчи при переписке: см., например, невразумительные начальные строки строфы 10, мало вразумительную третью строку в строфе 16 или предпоследнюю строку строфы семнадцатой. Может быть, непрофессиональный переписчик сильно устал к концу работы: стихотворение написано не писарским, хорошо выработанным интеллигентным почерком скорее всего начала (первой трети) 19 века.

Новые строфы, кто бы ни был их автор, продолжают и развивают основную идею Шишкова: в прошлом была некая идиллическая утопическая страна (Россия). Нынешнее время исказило, испортило, уничтожило эту утопию. Всю свою жизнь

Шишков стремился к принципиально недостижимой цели: возродить и оживить ту утопическую Россию, которой на самом деле никогда не существовало. Главным врагом этой идиллической задачи: сконструировать будущее из прошлого минус настоящее – было для Шишкова все усиливающееся (особенно в первые годы царствования Александра I) западное влияние.

Во всяком случае, не известные раннее строфы представляют собою любопытный образчик русской стихотворной сатиры, написанной явно с консервативных позиций: стихи продолжают и развивают идеи всем хорошо известного стихотворения главы консервативной партии – А.С. Шишкова.

Может быть, кому-нибудь из коллег удастся определить автора этих стихов и указать на источник этого сочинения.

Марк Альтшуллер (Pittsburgh)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. текст стихотворения и историю публикации его в кн.: *Поэты 1790-1810-х годов*, Библиотека поэта (Б.с.), Л., 1971. Изд подготовили М.Г. Альтшуллер и Ю.М. Лотман, стр. 355-358, 840. См. также: Марк Альтшуллер. *Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество "Беседа любителей русского слова")*. Ardis, Ann Arbor, 1984, стр. 36-38.

2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в Спб. Ф. 542 Оленины, #790, лл. 26-31об.

3. *Емец* – у Даля от глагола *емить*, т.е. *имать* или *брать*, *собирать*: расторопный,мышленный; взяточник, подкупной негодяй.

II. PIECES OF SILVER: THE PEACE WITH SWEDEN, 3 AUGUST 1790

Some twenty-five years I visited an antiques fair somewhere in Norfolk and found my first piece of eighteenth-century Russian silver. Much more recently, I acquired another piece of silver which is closely connected with the first. One was a box, the other, a medal. The link was the peace treaty that Russia signed with Sweden on 3/14 August 1790. The context of my pieces of silver is thus on the one hand Russo-Swedish relations but it is also in equal measure Russian medallic art and the contribution of medallists and silversmiths.

I

The real history of the production and distribution of medals dates, like so much else, from the reign of Peter the Great.¹ There were, nevertheless, precedents and parallel developments from earlier reigns, notably the production of 'zlotye', gold coins, which were awarded for military prowess and often sewn to apparel.² Those distributed to participants in V.V. Golitsyn's Crimean campaign of 1689 bore the likenesses of Peter and Ivan on one side and of the regent Sophia on the other. Golitsyn himself and a few of his commanders received extra large versions that were in the nature of commemorative medals. It was, however, the outbreak of the Northern War that gave Peter the opportunity to institute the regular production of what are now termed service medals, *nagradnye medali*, awarded to officers and soldiers fighting in particular battles or campaigns and differentiated according to rank. This was a practice, which was later to be imitated by other nations, of distributing medals (in some cases as many as 3000) to participants in battles rather than to those distinguishing themselves in those battles. During the course of the war no less than twelve battles on land and sea were commemorated, including, of course, Poltava and Hangö-udd. Events during the war, but not uniquely, also gave rise to commemorative medals, *pamiatnye ili memorial'nye medali*. It is indicative of their

different designation that while the 'service medals bore inscriptions in Russian, the commemorative medals frequently had Latin inscriptions. One such medal on the peace with Sweden in 1721 was sent appropriately to the Pope and gold medals on the death on Peter himself were presented to foreign diplomatic representatives. There were also instances of a third category of medals, the individual, *imennye* or *personal'nye*, rewarding outstanding national, most often in these years military, figures, such as Admiral Apraksin.

It is all too easy in many areas to move more or less directly from the reign of Peter I to the reign of Catherine II, an 'imperial stride' which the empress herself encouraged, but as regards the development of medallic art it is almost justified. During the reigns of Peter II up to and including that of Peter III, few new medals of any description were produced, although there were many new mintings (*novodely*) from originals of Peter I's reign. There were important technological advances in, for instance, the production of dies (*shtempeli*) and, significantly, the training of young Russians who became leading medallists under Catherine II – Samoila Iudin and Timofei Ivanov. Both were pupils of the English medallist, Benjamin Scott jr., best known for a medal (in both gold and bronze variants) on the death of Elizabeth.³ Commemorative medals were produced for coronations and, for instance, the opening of Moscow University in 1754, but there seems to have been but one example – and that right at the end of Elizabeth's reign – of service or *nagradnye* medals. The major Russian victory over the Prussians at Künersdorf in August 1759, towards the end of the Seven Years' War, was marked a year later by a silver medal with appropriate eyelet (*s ushkom*) for a ribbon, over 35,000 of which were distributed during the next seven years (way into the reign of Catherine).

In contrast, Catherine's reign was what has been called a 'golden age for the art of the medallist in Russia'.⁴ The empress herself was very interested in medals – as collector, as historian, as propagandist, even as designer. One of the early notable achievements she

promoted was the so-called 'Lomonosov' series of historical medals, portraits of Russian princes and tsars from Riurik to Elizabeth.⁵ Of her own devising was an ambitious medalllic history of Russia for which she envisaged no less than 235 subjects, of which ninety-four were minted before her death. These series, together with medals struck to honour illustrious individuals, formed the collection presented by Princess Dashkova to Edinburgh University, following the graduation of her son in 1779, which *Scots Magazine* declared "in elegance of design, as well as of execution, not inferior to the medals of any nation in Modern Europe".⁶ Catherine, who suggested not only subjects for new medals but also often the wording of their mottoes and inscriptions, bestowed sets of medals, in silver or gold, as gifts to foreign correspondents, dignitaries and monarchs. She would also present an existing medal, usually in its gold variant, to individuals who for specific reasons earned the imperial benevolence. The gold medal commemorating the unveiling of Falconet's 'Bronze Horseman' in 1782 was a much favoured gift and, to give two British instances, was sent in 1789 to Alexander Bruce of Edinburgh in recognition of his essay on the health of armies and navies and in the same year was the reward for an English skipper who rescued four Russian sailors escaping from Swedish imprisonment and delivered them to the Russian navy.⁷

The unveiling of the Falconet statue was but one of the notable events of Catherine's reign to be marked by impressive medals, produced both by native Russian medallists and by foreign specialists working in Russia, and all employed at the St Petersburg mint. To the names of the Russians Ivanov and Iudin, working at the height of their powers, should be added the Wächter brothers, Johann Georg and Georg Christian, and the gifted Johann Gass and Karl Leberecht. It is Leberecht (d. 1827), arriving in Russia in 1779, the same year as Cameron and Quarenghi, who was to produce some of the

outstanding portrait medals of the last decades of the eighteenth century, including those of Potemkin, Suvorov and Greig.

II

All three men were closely involved in what remained the main subject and *raison d'être* of medals – war, or, in this specific instance, wars with Turkey and Sweden, a reprise of the earlier wars against traditional enemies.

At the end of the 1780s Russia was locked in wars on two fronts against Turkey and Sweden. On 24 August/ 4 September 1787 Turkey, in the face of intense Russian provocation, had declared war. Catherine, who a few weeks earlier had returned to Tsarskoe Selo from her famous journey to the Crimea, responded with her war manifesto of 7/18 September. Subsequent to Suvorov's successful defence of Kinburn in October 1787, the Russians made little progress in the early months of 1788. Catherine decided to send a fleet under Admiral Greig from the Baltic to the Mediterranean to incite the Christian Orthodox peoples of the Danubian Principalities to revolt and to wrest naval supremacy from the Turks. Its dispatch, however, was delayed by unexpected difficulties with the British – this was not to be a repeat of the Chesme expedition nearly twenty earlier. Gustavus III of Sweden, meanwhile, was already committed to large-scale armament and although he knew the Russian fleet had not set sail, he nevertheless began hostilities against Russia on both land and sea in June 1788. He was, however, to be confronted and confounded by Greig's fleet, which engaged the Swedes at Hogland on 6/17 July in a bloody and inconclusive battle which nevertheless stymied Gustavus's proposed siege of St Petersburg. The death of Greig in October deprived the Empress of her most reliable and experienced naval commander and the subsequent naval engagements between the two powers favoured first one, then the other; not unexpectedly, Swedish and Russian historians differ, often fundamentally, in their assessments of the outcome of the battles and

skirmishes that took place in the navigationally difficult waters of the archipelago.⁸ It was to be the destruction of the Swedish galley fleet by the Russians under Prince Karl Heinrich of Nassau Siegen on 13/24 August 1789 that elated Catherine and “was equal to the victory at Chesme”, according to her secretary, Khrapovitskii’s diary entry.⁹ This was known as the first battle of Svensksund. Almost a year later, on 28 June/9 July 1790, the Swedes took their revenge at the second battle of Svensksund. By the summer of 1790, however, the resources of both sides were drained and the war had reached a stalemate. Russia and Sweden signed the Peace of Värälä in August and Catherine was free to turn all her attention to the south. The fortress of Ochakov had been taken the previous December, but it was the storming by Suvorov’s troops of the seemingly impregnable fortress of Izmail on the lower reaches of the Danube on 11/22 December 1790 that hastened the end of the war against Turkey. Potemkin, however, did not live to see the war he had fought brought to a successful conclusion with the Peace of Jassy on 29 December 1791/ 9 January 1792, when the empress, *pace* Pitt and British threats of the previous year, was delighted to receive Ochakov among her new possessions.¹⁰

The first war against Turkey in the early years of Catherine’s reign had been marked by a succession of medals, both commemorative and service. Among the former, Gass’s medal in honour of the victor at Chesme, Aleksei Orlov (1770), and Johann Jäger’s for Fieldmarshall Count Petr Rumiantsev-Zadunaiskii, commander of the Russian armies (1774), are impressive both in artistry and size (the Rumiantsev is over 9 cms in diameter). The victory at Chesme as well as the Peace of Kuchuk-Kainardzhi in July 1774 were celebrated with both commemorative and service medals.¹¹ Thirteen years later, Russians and Turks were again at war and medals were produced to mark the victories at Kinburn, Ochakov and Izmail. On each of these occasions there were interesting variations in their

production and distribution. For Kinburn a total of twenty silver medals, the size and shape of a ruble, were awarded to participants chosen for their outstanding bravery by their comrades-in-arms – a unique instance in the eighteenth century. Understandably, they are among the rarest of medals.¹² In contrast, 15000 silver medals were minted for the storm of Ochakov: they were oval in shape, 4.3 cms x 2.45 cms, with the monogram of Catherine on the obverse side and the inscription ‘for valour displayed at the capture of Ochakov December 6 1788’ (*Za khrabrost’ okazannuiu pri vziat’e Ochakova dekabria 6 dnia 1788*) on the reverse. Like the Kinburn medal they were worn on the left breast with the ribbon of the Order of St George.¹³ A more melancholy fate befell the similar medals minted for the bloody storming of Izmail: the death of Potemkin led to a delay in the striking of the medals until 1794 and few of the 15000+ silver medals and officers’ gold crosses were ever distributed. In 1805 over 13000 medals were sent to the mint to be melted down.¹⁴ The melting down of medals was, incidentally, a regular occurrence and after the death of the recipients, medals were required to be handed back.

The first *nagradnye* medals for action during the Russo-Swedish war were produced in 1789 to mark Russian naval victory at Svensksund. The inscription on the reverse, ‘For valour on Finnish waters August 13 1789’ (*Za khrabrost’ na vodakh finskikh...*), was a conscious echo of ‘For valour on Ochakov waters’ (*Za khrabrost’ na vodakh ochakovskikh...*) on the medal commemorating the victory in the Liman where Samuel Bentham played such a prominent part. Over 14,000 round silver medals were struck as opposed to 5000 for the Liman.¹⁵

It is, however, the respective peace medals which have a particular interest and which, of course, stimulated the present paper. Both the Russo-Swedish and Russo-Turkish

peace treaties had a long pedigree and the medals struck had their influential precedents. The campaign medal distributed to the Russian troops following the peace of Kuchuk Kainardzhi in 1774 was diamond-shaped and silver; it bore the likeness of Catherine on the obverse side and the inscription 'To the victor' (*Pobediteliu*) within a laurel wreath and, below, 'Peace concluded with the Porte 10 July 1774' (*Zakliuchen mir s Portoiu...*) An astonishing 150,000 medals were struck, together with a further 30,000 silver tokens (*zhetony*), which bore on the obverse side the inscription 'Obtained by victories' (*Priobreten pobedami*) and 'Peace with the Turks' and the date on the reverse.¹⁶ The medal distributed to the troops after the Peace of Jassy was essentially the same size as its predecessor but oval; instead of the likeness of the empress it bore her monogram, while on the reverse side were the words 'To the victors at the peace' (*Pobediteliam pri mire*) with the date. Some 93,000 medals were produced and a further 30,000 tokens. The St Petersburg mint also struck commemorative medals in three sizes, seemingly in gold, silver and in copper.¹⁷ The reverse side, which depicts a shield with the Russian double-headed eagle and a scroll showing the part of the Black Sea region, including Ochakov, that Turkey had ceded to Russia, bears the initials of the medallist Johann Georg Wächter. The wording is that of the 1774 tokens – 'peace obtained by victories'. There is thus more than a touch of triumphalism in the inscriptions on the Turkish medals; this is noticeably absent in the medals commemorating peace treaties with Sweden.

The Peace of Nystadt, which signalled the end of the Northern war on 30 August 1721, was greeted with the production of an unprecedented number of medals in gold and silver and in different sizes for distribution according to rank and with Latin inscriptions for foreign dignitaries. The elaborate inscriptions, which, incidentally, recorded Peter's new title of emperor for the first time, include on the obverse side the words 'bound by an

alliance of peace' (*soiuzom mira sviazuemy*).¹⁸ The peace with Sweden concluded in August 1743 was, apparently, not commemorated during Elizabeth's reign but was termed 'eternal' (*vechnyi*) on the inscription for one of the medals commissioned for the historical series during Catherine's reign. This was the pious hope expressed once more with the conclusion of the peace of Värälä in August (yet again) 1790. Catherine herself was very involved with the design and inscriptions and very anxious that the number distributed should not be less than for Nystadt and Kuchuk Kainardzhi. In the event about 90,000 silver campaign medals were minted, to be worn with ribbons of the Order of St Vladimir. The medal, which was designed by Gavriil Kozlov, a professor at the Academy of Arts, was of an unusual octagonal shape with a portrait of Catherine wearing a laurel crown, engraved by Leberecht on the obverse side and the inscription 'For service and valour' (*Za sluzhbu i khrabrost'*) and the date on the other.¹⁹ It was on the gold and silver commemorative medals that there appeared the inscription 'Neighbourly and eternal' (*sosedstvennyi i vechnyi*) around the upper rim on the reverse side, with, in the centre, a laurel wreath through which arose an olive branch, and beneath the further words: 'Peace with Sweden concluded 3 August 1790'. The largest of the medals, 8.3 cms in diameter, bore on the obverse side the portrait of Catherine from a die by medallists Johann Jäger and Johann Gass,²⁰ while the portrait on my silver medal, 5.2 cms. in diameter, was the work of Samoila Iudin (d.1800), his last attested die.²¹ The reverse in both instances was the same. However, in addition to the campaign medal, some 30,000 silver tokens, 2.2 cms in diameter, had also been produced for distribution to the troops and navy. They bore neither portrait nor monogram of the empress; instead, the design on the reverse side of the medals was divided between the obverse and reverse sides of the token.

Such a token was incorporated into the silver box in my possession. Although the hallmarks are partially erased, it can be established that the box was produced in Moscow in 1793, when the assay master was Andrei Titov. Sadly, there is no silversmith's mark.²² A token became the centre piece of the lid – both outside, where it is framed by an eight-pointed star, and on the inside. Finally, the bottom of the box bears an engraving of banners, drums and trumpets, very typical of Classicist military ornamentation. The practice of adorning silver and gold boxes, which were most often, of course, for snuff, with portrait medallions of the monarch or other worthies, was quite common; indeed one such box with Catherine's portrait (from a die by Timofei Ivanov) and commemorating the peace of 1790 was in the great Stockholm exhibition of 1998.²³ As for the peace itself, it was far from 'eternal': in 1809 a humiliated Sweden ceded Finland to Russia and there was little talk of neighbourliness or eternity.

Anthony Cross (Cambridge)

NOTES

¹ The main sources used for the general overview of Russian medallic art in the eighteenth century and, in particular, in Catherine's reign are: E.S. Shchukina, *Medal'ernoie iskusstvo v Rossii XVIII veka* (Leningrad, 1962); L.M. Gavrilova, *Russkaia istoricheskaja mysl' i medal'ernoie iskusstvo v epokhu Ekateriny II* (St Petersburg, 2000); Dmitrii Peters, *Nagradnye medali Rossii vtoroi poloviny XVIII veka* (Moscow, 2004).

² See I.G. Spasskii, "'Zolotyie" – voinskie nagrody v dopetrovskoi Rusi', *Trudy Gos. Ermitazha*, IV (Leningrad, 1961), 92-134.

³ See my *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia* (Cambridge, 1997), pp. 229-30.

⁴ Evgenia Shchukina, 'Catherine II and Russian Medallic Art', in *Catherine the Great & Gustav III* (Helsinki, 1999), p. 313.

⁵ See Gavrilova (2000), pp. 30-64.

⁶ *Scots Magazine*, XLI (July 1779), 398. See my 'Edinburgh University's Cabinet of Russian Medals', *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter*, no. 1 (1973), pp. 27-8.

⁷ *Scots Magazine*, LIII (March 1791), 149-50; RGADA, Fond. 1239, op. 3, d. 64998, ff. 84-84v., quoted in Shchukina (1999), p. 314.

⁸ Compare, for instance, Jan Glete, 'The War at Sea in 1788-90', in *Catherine the Great & Gustav III* (1999), pp. 184-94 with Peters (2004), pp. 166.

⁹ *Pamiatnye zapiski A.V. Khrapovitskogo stats-sekretaria Imperatritsy Ekateriny Vtoroi* (reprint of edition of 1862) (Moscow 1990), p. 202.

¹⁰ For the magisterial survey and analysis of all the intricacies of the Russo-Turkish and Russo-Swedish conflicts of these years within the context of the complex and ever-changing diplomatic relations on a European scale that involved so many other nations, one should of course turn to the appropriate chapters in Isabel de Madariaga's *Russia in the Age of Catherine the Great*.

¹¹ Catherine's reign saw the resurgence of the service (*nagradnaia*) medal, which, incidentally, was for the first time also awarded to civilians – a whole series of medals from the 1760s and 70s bore the same inscription – "for works useful to society", (*za poleznye obshchestvu trudy*), followed by the date.

¹² Peters (2004), pp. 110-15.

¹³ *Ibid.*, pp. 150-3. 410 gold crosses were also distributed to officers distinguishing themselves in the battle (*ibid.*, pp. 154-7).

¹⁴ *Ibid.*, pp. 184-93.

¹⁵ Cf. *ibid.*, pp. 135-6 and p. 169.

¹⁶ *Ibid.*, pp. 92-7.

¹⁷ The medal I own is, sadly, of copper and measures 8cms in diameter.

¹⁸ I.G. Spasskii and E.S. Shchukina (comp.), *Iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha: medali i monety Petrovskogo vremeni* (Leningrad, 1974), p. 21 and items 55-9 (unnumbered pages).

¹⁹ Peters (2004), pp. 178-181.

²⁰ This medal is illustrated in *Catherine II & Gustav III*, p. 318, no. 282.

²¹ See the list of his work in Shchukina (1962), p. 118.

²² Apart from the Moscow mark – a mounted St George spearing the dragon, there is a further partly erased mark: ---3 above –T. See M.M. Postnikova-Loseva, N.G. Platonova, B.L. Ul'ianova (comps.), *Zolotoe i serebriannoe delo XV-XX vekov* (Moscow, 1983), p. 205, no. 2094.

²³ *Catherine II & Gustav III*, p. 219, item 195.

III. “О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ” Ч. БЕККАРИА. НЕИЗДАННЫЙ ПЕРЕВОД М.М. ЩЕРБАТОВА

Как известно, прежде чем написать свои оригинальные произведения, М.М. Щербатов трудился над переводами. С 1750-х годов он обращается к работам крупнейших европейских мыслителей, посвященным фундаментальным характеристикам современных ему монархий, как нравственным, так и сугубо юридическим. Именно в 50-е годы он переводит трактат Цицерона *О должностях* (1757 г.), “Рассуждения о причинах величества римлян и падения их” Монтескье, “Век Людовика XIV” Вольтера (1758 г.), и другие¹. По справедливому утверждению З.П. Рустам-Заде, “с первых шагов литературной деятельности писатель подчиняет ее одной общей цели – моральному перевоспитанию своих сограждан” (Рустам-Заде 2000, с. 15). При этом неудивительно, что имя Щербатова фигурирует в списке переводчиков произведения Ч. Беккариа *О преступлениях и наказаниях*, одной из самых содержательных книг итальянского и, шире, европейского Просвещения.

Щербатовский перевод трактата *О преступлениях и наказаниях* (Щербатов) известен с 1953 г., когда Ф. Вентури в своей статье о судьбе произведения Беккариа в России привел сведения о том, что Щербатов первым перевел (добавим: целиком) это произведение на русский язык (Вентури 1953, с. 170). Хотя с момента публикации статьи Вентури прошло более полувека, следует отметить незначительный прогресс в изучении упомянутого перевода. Лишь в 1964 г. П.Н. Берков определял, что щербатовский перевод сделан “с французского языка” (Берков 1968, с. 65). Того же мнения придерживается и английский исследователь Э. Лентин, заметивший, что Щербатов перевел произведение Беккариа из французского издания Морелле² (1766 г. – ср.: Лентин 1982, с. 129; Лентин 1996, с. 181). В конце 80-х годов Ф.М. Решетников повторяет точку зрения Беркова и настаивает на французском происхождении щербатовского перевода (Решетников 1987, с. 104).

В данной статье я ставлю перед собой задачу осветить вопрос об источнике щербатовского перевода и проследить его связи с другими важными текстами русской культуры XVIII века.

Перед тем, как перейти к точному определению источника, следует коснуться вопроса об общей истории традиции произведения Беккариа, которое дошло до нас в виде двух редакций. С одной стороны, существует 'каноническая' редакция пятого итальянского издания 1766 г., отражающая последнюю волю автора. С другой стороны имеется редакция Морелле, по которой Д. Мази напечатал итальянское издание 1774 г. Поворотным моментом в истории произведения явилось как раз издание Мази, благодаря которому на ближайшие 200 лет именно редакция Морелле оказалась самой влиятельной – даже в итальянском контексте.

По-видимому, Берков и Лентин пришли к своему заключению об источнике щербатовского перевода исключительно на основе того, что он выполнен с учетом редакции Морелле. Однако приведенные данные относительно издательской истории текста Беккариа позволяют скорректировать точку зрения исследователей. Более того, есть все основания полагать, что Щербатов перевел *О преступлениях и наказаниях* с итальянского языка. Во-первых, в рукописи № 588 Эрмитажного Собрания при описании списка изучаемого перевода имеется указание "перевод с итальянского".³ Во-вторых, в 70-е годы Щербатов активно переводил с итальянского языка – например, *Освобожденный Иерусалим* Т. Тассо и *Страшный суд* Э. Юнга.⁴

Прежде всего, следует проверить гипотезу об итальянском происхождении щербатовского перевода. Тщательное сличение французского текста Морелле с итальянским текстом Мази (который был выполнен, напомним, с учетом все той же редакции Морелле) обнаружило немало текстовых различий в ряде фрагментов произведения. Необходимо отметить, что при всех этих различиях щербатовский перевод совпадает именно с текстом Мази – например, дополнения автора к пятому изданию, отсутствующие в редакции Морелле, но имеющиеся в издании Мази,

содержатся и в переводе Щербатова. Таким образом, основываясь на результатах текстологического анализа,⁵ следует заключить, что щербатовский перевод *О преступлениях и наказаниях* Беккариа, несомненно, выполнен на основе итальянского издания Маззи 1774 г.

Заметно, что, в основном, Щербатов стремился к буквальной передаче итальянского текста. Между тем, в данном переводе особое внимание обращает на себя целый ряд отрывков, существенно отличающихся от текста источника. Анализ данных фрагментов позволяет заключить, что при составлении своего перевода Щербатов использовал также два вторичных источника – *Елизаветинскую Библию* и *Наказ Екатерины II*.

Перейдем теперь к более подробному анализу щербатовской рукописи с целью рассмотреть сам процесс работы Щербатова-переводчика. Нами были избраны два отрывка изучаемого перевода, входящие – соответственно, в седьмую главу *О преступлениях и наказаниях* (“Знаки и обряды судебные”) и в седьмую главу *Комментария к книге о преступлениях и наказаниях* Вольтера⁶ (“О преступлении в проповедании, и о Антонии”)⁷:

I.		
Перевод Щербатова	Итальянский источник	Наказ
(л. 13)	(с. 17)	(ст. 176)
Можно доказательства преступлений разделить на два рода, на совершенные и несовершенные. Я называю совершенными те, которые исключают уже вся возможности к показанию невинности обвиняемого; а несовершенными те, которые сей возможности не исключают. Из первых одинаго довольно для	Possono distinguersi le prove di un reato in perfette, ed in imperfette. Chiamo perfette quelle che escludono la possibilità che un tale non sia reo: chiamo imperfette quelle che non la escludono. Delle prime anche una sola è sufficiente per la condanna, delle seconde tante son necessarie quante bastino a	Можно доказательства преступлений разделить на два рода, на совершенные и несовершенные. Я называю совершенными те, которые исключают уже вся возможности к показанию невинности обвиняемого; а несовершенными те, которые сей возможности не исключают. Одно совершенное доказательство довольно утвердить, что

осужденія, изъ вторыхъ же ихъ столько нужно имѣть для учиненія совершеннаго доказательства, то есть, чтобъ соединеніе всѣхъ такихъ доказательствъ исключало возможность къ показанію невинности обвиняемаго, хотя каждое порознь доказательство оныя и не исключаетъ. прибавимъ къ сему и то, что несовершенныя доказательства, на которые отвиняемый [обвиняемый] не отвѣтствуетъ ничего, что бы довольно было къ его оправданію, хотя невинность его и должна бы ему подать средства къ отвѣту, становятся въ такомъ случаѣ уже совершенными. Но сію моральную подлинность легче чувствовать нежели точно изъяснить, и для сего я считаю лучшимъ закономъ тотъ который опредѣляетъ имѣть помощниковъ главному судѣе взятыхъ по жребію, а не по избранію, ибо во всемъ случае вернее есть невежество судящее по чувствію, нежели наука судящая по мнѣнію. Гдѣ законы ясны и точны, тамъ долгъ судьи не состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ вывести наружу дѣйствіе. Если въ изысканіи доказательствъ преступленія надлежитъ имѣть проворство и способность; чтобъ вывести

formarne una perfetta, vale a dire che se per ciascuna di queste in particolare è possibile che uno non sia reo, per l'unione loro nel medesimo soggetto è impossibile che non lo sia. Notisi che le prove imperfette, delle quali può il reo giustificarsi, e non lo faccia a dovere, divengono perfette. Ma questa morale certezza di prove è più facile il sentirla che l'esattamente definirla. Perciò io credo ottima Legge quella che stabilisce Assessori al Giudice principale presi dalla sorte, e non dalla scelta, perchè in questo caso è più sicura l'ignoranza che giudica per sentimento, che la scienza che giudica per opinione. Dove le Leggi sieno chiare, e precise, l'ufficio di un Giudice non consiste in altro che di accertare un fatto. Se nel cercare le prove di un delitto richiedesi abilità, e destrezza, se nel presentarne il risultato è necessario chiarezza, e precisione; per giudicarne dal risultato medesimo, non vi si richiede che un semplice, ed ordinario buon senso, meno fallace che il sapere di un Giudice assuefatto a voler trovare rei, e che tutto riduce ad un sistema fattizio impestato da' suoi studi.

осужденіе чинимое преступнику есть правильное. (ст. 177)

Что жъ касается до несовершенныхъ доказательствъ, то надлежитъ быть ихъ числу весьма великому для составленія совершеннаго доказательства: сирѣчь надобно, чтобъ соединеніе всѣхъ такихъ доказательствъ исключало возможность къ показанію невинности обвиняемаго, хотя каждое порознь доказательство оныя и не исключаетъ. Прибавимъ къ сему и то, что несовершенныя доказательства, на которыя обвиняемый не отвѣтствуетъ ничего, что бы довольно было къ его оправданію, хотя невинность его и должна бы ему подать средства къ отвѣту, становятся въ такомъ случаѣ уже совершенными.

(ст. 178)

Гдѣ законы ясны и точны, тамъ долгъ судьи не состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ вывести наружу дѣйствіе.

(ст. 179)

Въ изысканіи доказательствъ преступленія надлежитъ имѣть проворство и способность; чтобъ вывести изъ сихъ изысканій окончательное положеніе.

<p>изъ сихъ изысканій окончательное положеніе, надобно имѣть точность и ясность мыслей; но чтобы судить по окончательному сему положенію, не требуется болше ничего, какъ простое здравое разсужденіе, которое вернейшимъ будетъ предводителемъ, нежели все знаки судьи приобыкшаго находить вездѣ виноватыхъ, и который всѣ обращаетъ на содѣланную по своимъ наукамъ систему.</p>	<p>надобно имѣть точность и ясность мыслей; но чтобы судить по окончательному сему положенію, не требуется болше ничего, какъ простое здравое разсужденіе, которое вѣрнѣйшимъ будетъ предводителемъ, нежели все знаніе судьи приобыкшаго находить вездѣ виноватыхъ.</p>
---	---

Если сравнить, например, первые предложения щербатовского перевода с текстом статьи 176 *Наказа*, напечатанным в третьем столбце, то можно легко установить, что щербатовский вариант буквально совпадает с текстом *Наказа*. Уже при первом поверхностном сравнении можно заметить, что Щербатов непрерывно переходит от одного источника к другому. Сверх того, особого интереса заслуживают те места, в которых обнаруживается контаминация – к примеру, в первой таблице, рядом с параллельной статьей 179 *Наказа*, обращает на себя внимание союз “если”, так как внутри переписанного из *Наказа* фрагмента (имеются в виду полностью переписанные статьи 178 и 179) он является вставкой из итальянского издания *Мэзи* (ср. итальянский текст, где союз “se” выделяется двойным подчеркиванием), свидетельствующей о контаминации. Подобные примеры нетрудно умножить.

Сразу возникает проблема: почему Щербатов при переводе произведения Беккариа прибегал к вторичным источникам? Вопрос об использовании *Елизаветинской Библии* следует рассмотреть особо, так как в данном случае значительную роль сыграло то обстоятельство, что в XVIII в. еще не существовало

перевода Священного писания на русский язык, его продолжали читать на церковнославянском.⁸ С учетом вышесказанного представляется логичным, что Щербатов, опознав библейскую цитату в источнике, не перевел ее на русский, а переписал прямо из *Елизаветинской Библии*. Что же касается обращения к *Наказу*, то дело обстоит сложнее. Важно напомнить, что в *Наказе* содержится первый перевод отдельных отрывков текста Беккариа, осуществленный Г.В. Козицким по поручению Екатерины. Не исключено, что Щербатов заимствовал готовый перевод из *Наказа* лишь для того, чтобы быстрее закончить свою работу. Впрочем, необходимо сказать, что далеко не все фрагменты *Наказа*, взятые из Беккариа, были переписаны Щербатовым. Поскольку Щербатову, имея дело с современной ему западноевропейской терминологией, пришлось столкнуться с очевидными переводческими трудностями, думается, что, по-видимому, *Наказ* зачастую служил ему лингвистическим образцом – особенно при переводе юридических и философских терминов или словосочетаний.⁹ В остальном, по какой причине Щербатов прибегал к тексту *Наказа*, с абсолютной достоверностью установить весьма сложно, вопрос пока остается открытым.

В заключение, нельзя не коснуться вопроса о датировке щербатовского перевода. Приняв во внимание, что в точности определить время создания перевода достаточно проблематично, начнем с установления крайних хронологических пределов, между которыми был осуществлен перевод. *Terminus post quem* – 1774 г., когда итальянское издание *Мази* вышло в свет. *Terminus ante quem* – 1790 г., год смерти самого Щербатова. Более точная датировка ведет нас к гипотезе о причинах, по которым Щербатов решил перевести произведение Беккариа.

В 1788 г. Щербатов написал *Размышления о смертной казни*,¹⁰ в которых он оспаривал точку зрения Беккариа, и выступал за смертную казнь. Как отметил Берков, “в представлении Щербатова Беккариа – заслуживающий уважения филантроп, но непрактичный и, более того, утопичный” (Берков 1968, с. 65).

Наверное, можно было бы предположить, что щербатовский перевод был задуман как часть более общего проекта, направленного на критическую ревизию сочинений Беккариа. Тогда можно было бы отнести перевод к 80-м годам, скорее всего, незадолго до составления *Размышлений*. В пользу этого предположения можно привести тот факт, что Щербатов (в отличие от ранних переводов 50-х годов) не сопровождал текст критическими заметками на полях, как бы оставляя за собой право вернуться к этому вопросу позже. И все же при составлении чисто практического перевода странным выглядит использование вторичных источников. Кроме того, в рукописи присутствует множество авторских поправок, доказывающих внимательную и кропотливую (а не поспешную) работу над переводом.

Более перспективным нам кажется предположение, что щербатовский перевод *О преступлениях и наказаниях* относится к 70-м годам, когда были переведены также *Освобожденный Иерусалим* Т. Тассо и *Естественная политика* П.А. Гольбаха.¹¹ С этими произведениями сочинение Беккариа роднит симпатия к «рыцарским» добродетелям и политическим положениям эпохи Просвещения (в первую очередь, укреплению конституционной монархии). Относительно интеллектуальных интересов Щербатова в 70-е годы стоит напомнить слова Рустам-Заде: «Перевод Щербатовым *Естественной политики* свидетельствует о его глубоком интересе к появлявшимся в Западной Европе новым произведениям на социально-политические темы» (Рустам-Заде 2000, с. 24). Нет нужды говорить о том, что наблюдение касается и перевода *О преступлениях и наказаниях*. В связи с данным предположением небезынтересно отметить, что в 1773 г. Щербатов написал *Примечания на Большой Наказ Екатерины II*,¹² в которых он обвинял императрицу не столько в употреблении (сама императрица признавала его), сколько в искажении идей Ш.-Л. Монтескье.¹³ Учитывая, что произведение Беккариа представляет собой один из источников *Наказа*, и что 1774 г. является *terminus post quem* щербатовского перевода, кажется уместным высказать предположение, что Щербатов приступил к исполнению

перевода книги итальянского мыслителя сразу после написания упомянутых *Примечаний* (т.е. примерно в середине 70-х годов), стремясь глубже интерпретировать темы *Наказа* и тем самым критически проанализировать реформаторскую деятельность Екатерины.¹⁴ Но это остается, безусловно, рабочей гипотезой, требующей дальнейших подтверждений.¹⁵

Неизданный щербатовский перевод *О преступлениях и наказаниях* имеет несомненное значение как первый полный перевод книги Беккариа на русский язык, что важно, с итальянского языка, и также как свидетельство тесной связи между основными произведениями русской культуры XVIII века.

Ettore Gherbezza (Udine, Italy)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересно отметить, что перечисленные переводы Щербатова опубликованы не были и до сих пор хранятся в рукописном отделе Российской Национальной Библиотеки (ф. 885, Эрмитажное Собрание).

² Название *Морелле* происходит от имени А. Морелле, первого переводчика трактата Беккариа на французский язык.

³ См.: РНБ, ф. 885, № 588 – “Роспись российским рукописным книгам, находящимся в библиотеке кн. Михайла Михайловича Щербатова, выбранным из генерального каталога всей библиотеки по теми же нумерами. 1791 г.”, л. 7.

⁴ На самом деле, этот перевод сделан с итальянского переложения Ф. Альберти, а не с английского оригинала или французского перевода П. Ле Турнера (ср.: Лентин 1996, с. 180).

⁵ Полный разбор см.: “*Il Dei delitti e delle pene nella traduzione di Michail M. Ščerbatov. Edizione e commento*”, Tesi di dottorato di E. Gherbezza, Venezia 2005 (см. особенно гл. II, с. 87-147).

⁶ Как и издание Мази, щербатовский перевод состоит из двух частей. В первой содержится перевод произведения Беккариа, во второй – перевод *Комментария к книге о преступлениях и наказаниях* Вольтера.

⁷ В первом столбце располагается текст щербатовского перевода (Щербатов), во втором – текст итальянского источника (Мази 1774), и в третьем – текст вторичного источника (в первой таблице – текст *Наказа*, во второй – текст *Елизаветинской Библии*). Простым подчеркиванием выделяются фрагменты, практически дословно

переписанные Щербатовым непосредственно из *Наказа*, а двойным подчеркиванием выделены места, переведенные из издания Мази.

⁸ Первый полный перевод на русский выйдет в свет лишь в 1867 г.

⁹ В качестве примера приведем взятые из *Наказа* выражения “силлогизм или соразсуждение” (перевод итальянского “*sillogismo*”), “самое действие, случившееся в исполнении преступления” (перевод ит. “*сopro del delitto*”), “взять под стражу” (перевод ит. “*catturare*”) и т.д.

¹⁰ Произведение опубликовано в “Чтениях в Импер. Обществе истории и древностей российских” (1860, I, с. 57-72), и в “Сочинениях Кн. М.М. Щербатова” (т. I. “Политические сочинения” / Под ред. И.П. Хрущева. СПб., 1896, с. 427-456).

¹¹ Переводы эти находятся в рукописи № 229 Эрмитажного Собрания, относящейся к периоду, следующему за 1773 г.

¹² Рукопись (см. Эрмит. Собр., № 40) была опубликована П.Г. Любомировым в книге: Кн. М.М. Щербатов. Неизданные сочинения. Москва 1935 г..

¹³ Например, Щербатов упрекал Екатерину за нарушенное ей обещание укреплять политическую власть Сената. Для Монтескье Сенат – нечто вроде парламента, высший законодательный орган; для императрицы – послушное орудие в ее руках (ср.: Лентин 1969, с. 42-43).

¹⁴ Кроме того, Берков заметил, что и в дальнейшем, в XIX веке, “обсуждение книги Беккариа и перевод ее на русский язык были своего рода постановкой ряда злободневных вопросов, рассматривать которые прямо и открыто в печати не позволяла цензура” (Берков 1968, с. 69).

¹⁵ Прежде всего, необходимо провести тщательные архивные разыскания в Москве (точнее, в РГАДА), где хранятся основные фонды Щербатовых.

ЛИТЕРАТУРА

Берков 1968 – П.Н. Берков. Книга Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений / Отв. ред. С.Д. Сказкин. Москва, с. 57-76.

Вентури 1953 – F. Venturi. Beccaria in Russia // Il Ponte [Firenze], IX, n. 2, с. 163-174.

Елизаветинская Библия – Biblĭa, sirĭb knigi svāwennago pisanĭā vetxago i novago zavita, Санктпетербург 1751.

Лентин 1969 – Prince M.M. Shcherbatov. On the Corruption of Morals in Russia / Edited and translated with an introduction and notes by A. Lentin. Cambridge.

- Лентин 1982 – *A. Lentin. Beccaria, Shcherbatov, and the Question of Capital Punishment in Eighteenth-century Russia // Canadian Slavonic Papers*, t. 24, c. 128-137.
- Лентин 1996 – *A. Lentin. Shcherbatov's Italian Connections // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994 / Edited by M. Di Salvo and L. Hughes. Roma, c. 177-183.*
- Мази 1774 – *C. Beccaria. Dei delitti e delle pene. Edizione rivista, corretta, e disposta secondo l'ordine della Traduzione francese approuvato dall'autore, coll'aggiunta del commentario alla detta opera di Mr. de Voltaire tradotto da celebre autore. Londra (репринтное изд.: C. Beccaria. Dei delitti e delle pene. Con il Commentario di Voltaire. Milano 2001).*
- Наказ – Наказ Императрицы Екатерины II, данный Коммиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. С.-Петербург 1907.
- Решетников 1987 – *Ф.М. Решетников. Беккариа. Москва.*
- Рустам-Заде 2000 – *З.П. Рустам-Заде. Жизнь и творчество М.М. Щербатова. Санкт-Петербург.*
- Щербатов – “О преступлениях и наказаниях” / Пер. М.М. Щербатова. Черновой автограф / РНБ, Отдел рукописей, ф. 885 (Эрмитажное Собрание), № 31.

IV. F. ALGAROTTI'S PROJECT FOR AN 'HISTOIRE METALLIQUE DE LA RUSSIE'

In 1753, having spent long years abroad in the service of his powerful patrons Frederick II and later Augustus III of Saxony, Francesco Algarotti finally returned to Italy, sick and disillusioned. His reputation as an art connoisseur and versatile man of letters preceded him and from Venice, Bologna, and later Pisa – where he died in 1764 – he corresponded regularly with scholars and foreign visitors who sought his advice and mediation whenever they wished to purchase works of art. Surviving letters testify that in the final year of his life he was in touch with M. L. Vorontsov who, unlike the new men who came to power after Catherine II came to the throne, had traveled abroad “*dlia lecheniia i otdykha*”. During this gilded exile, the Chancellor managed to get his protégé Lomonosov accepted as a member of the Bologna Academy and also made every effort to promote the merits of the mosaic technique that Lomonosov had devised (furthering his cause with Algarotti too).

In two letters dated 1764 the Venetian man of letters expressed his amazement that Russia still had no representation of her metallic history; this is why – during a meeting held in Pisa at the beginning of the year – he had submitted a project to the Russian magnate and, having evidently received a positive reply, had prepared a draft.¹ Algarotti included the text of 55 Latin inscriptions destined for the *Storia metallica della Russia* (*Metallic History of Russia*) in the collection of his own works that he was preparing for the Leighorn publisher Coltellini, and which appeared after the author's death.

The idea of an *Histoire métallique* went back to the beginning of the seventeenth century and had been taken up again in the context of the so-called *Petite Academie*, founded in 1663 by J.-B. Colbert to encourage cooperation between the various arts to celebrate the might of the Sun King. The task of the men of letters (who included Racine

and Boileau and later Paul Tallemant) involved in the Academy's work, was, among other things, to produce inscriptions for monuments and medals; the latter task was achieved in 1702 with the publication of a sumptuous volume illustrating medals depicting the main events in Louis XIV's reign. This initial achievement was later followed by numerous others and in various European countries. By proposing a Russian equivalent, Algarotti was clearly acknowledging the importance of the young power, which was compared to the other great empires of Europe. On the other hand, the time was evidently ripe for a project of this kind, since independently – as I suppose² – of Algarotti's project, in 1772 a fine volume with similar aims was brought out in Potsdam by P. Ricaud de Tiregale (*Medailles sur les principaux événements de l'Empire de Russie depuis le règne de Pierre le Grand jusqu'à celui de Catherine II avec des explications historiques*). Tiregale's book, however, brought together and commented on already existing medals of the Russian empire, even if some of these were modified compared to the originals. Algarotti's project, on the other hand, involved creating new medals and thus responded to a general conception of unity.

By the time he returned to Italy, Algarotti had already experienced, as one of his interpreters observed, "the rise and fall of the *free lancer* turned courtier [...], typical of many men of his generation"³ Just as at the beginning of his literary career he had dedicated his *Newtonianesimo per le Dame* to Anna Ioannovna, addressing a celebratory ode to her, it may well be that his acquaintance with another Russian dignitary and the fame of the "Minerva of the North" (*Minerva in solio sedens* – *Minerva sitting on the throne* – reads one of the inscriptions with reference to Catherine II) now raised his hopes with the Russian court. In actual fact, however, such hopes were a trifle misplaced, since, despite preserving the title of Chancellor, Vorontsov no longer had any influence over the Empress.

The *Storia metallica* is, first and foremost, a courtier's tribute to the power of Russia and its monarchs, conducted in solemn tones and with the aid of literary reminiscences: of Elizaveta Petrovna it is said, for example, that *Ligneam magna ex parte accepit, lateritiam reliquit* ("She found it [Russia] mostly built of timber, and left it built of

brick"). This phrase, adapted to fit a different situation,⁴ actually mirrors a quotation from Svetonius about Augustus: "He rightly boasted that he had found it [Rome] built of brick and had left it built of marble"; thus the work of the empress was implicitly compared to that of Augustus, and the traditional parallel between St. Petersburg and Rome was underlined yet again.

The parallelism between the history of Rome and the rise of Russia, dear to Algarotti and so frequent in the literature of the day, is used as a decorative motif (each episode is represented with a profusion of quotations and comparisons from classical mythology) and at the same time projects the works of the Russian tsars into a mythical dimension. The inscriptions of the *Storia metallica* are in chronological order, from Peter to Catherine II; the choice of the episodes to be represented (in which Vorontsov may have had a hand) reflects both Algarotti's personal interests and ideas which were common to Europe's intellectual élite. Emphasis is thus given, for example, to the innovative aspects of Peter's achievements, by then universally acknowledged and part of the legend that surrounded the Tsar: his travels abroad in the interest of the country, the creation of the fleet, the Military Statute, the expansion of the Empire's boundaries, victory over Sweden, the creation of the Table of Ranks, the foundation of the new capital and the Academy of Sciences (*Templum Minervae, artibusque omnibus dicatum* ("The temple dedicated to Minerva and to all the arts")). But there are also some more personal moments, when Algarotti recalls the use of timber from Kazan' to build the Baltic fleet; this detail had already been mentioned in the journal of his voyage to St. Petersburg (1739), where he emphasized the immense efforts that Peter had made to build the fleet.

The salient episodes of the individual reigns are divided equally between war and peace; among the former, which often involved the rest of Europe too, the choice was more predictable, because the Russian ships' entry into the Black Sea, the annexation of new territories along the Baltic, interference in the question of the Polish succession, victories over the Swedes and the Turks and Russia's newly acquired borders were objective, to

some extent, 'compulsory' themes; Algarotti's selection of the distinction that each sovereign had gained in the field of the organization of the state and of civil society, on the other hand, seems to me to be somewhat more personal. Significant milestones were, for example, geographic expeditions, which from Peter's time onwards had defined Europe's eastern borders and the configuration of the south and the far east of Russia; discoveries of enormous importance for the international scientific community which Algarotti had reported fairly extensively in his journal, including his own talks with Delisle; this, in fact, was the only part of the Petersburg Academy of Sciences' activities that he had really appreciated and not dismissed disdainfully. It is possible that in the years that intervened between his journey to Russia and writing the *Storia metallica* new information may have induced Algarotti to change his opinion; on the other hand, the purpose of the *Storia* was above all encomiastic, not informative.) In the same way, the use of Kazan timber to build ships is presented here as a heroic moment, whereas in the journal the description of such a titanic achievement also included serious doubts about the rationality of Peter's decisions.

Another cultural milestone during the reign of Anne is duly immortalized: the foundation of the Cadet Corps (*Gymnasium Martis, imperii spes* ("Gymnasium of Mars, hope of the empire")); regarding this period of Russian history Algarotti could go back to his own direct experience too and to data he had gathered from numerous informers in the course of his travels. A case in point is probably the Ladoga canal: the construction of this impressive and highly costly work, directed by Münnich, had to be re-financed several times during the Twenties. Algarotti in fact associates the canal with Münnich (*Annona urbis fossa munichiana firmata* ("The city's supplies were guaranteed by Münnich's canal")) and it also features in letter V of Algarotti's book *Viaggi di Russia* amongst the Field Marshall's numerous deeds of distinction. Algarotti greatly admired Münnich, whose projects, as Francis Ley points out,⁵ were known in Europe largely thanks to Algarotti's book. His interest in the canal – which enabled the capital to be fed and also guaranteed trade – is, I believe, no coincidence: for the Venetian writer the miracle of St. Petersburg,

founded by a Tsar who claimed to know nothing about trade, had been its rapid development on international trade routes: *Ostia Nevae, incolis tantum cognita, nunc omnium Europae gentium emporium* ("The mouth of the Neva, known previously only to the local inhabitants, is now the emporium of all the peoples of Europe"). This was not simply a mannered compliment, because also in his poetic epistles Algarotti celebrated Peter for having opened Finland's sea to industry, trade and the arts, and indeed he incited his compatriots not to wait at home for the arrival of fur-clad Danes, or Russians, but to explore new routes to sell their wares.

Algarotti's mercantilistic and populationist convictions also transpire from his description of the first deeds of the reign of Catherine II: *Omnes in Russiam invitatae gentes* ("All peoples have been invited to Russia") and *Munificentia Augusta liberorum sine parentibus parens* ("The sovereign's generosity is like a parent to parentless children"), with reference to the foundation of the Moscow Foundling House. All this testified to the Empress's concern for 'human capital', a subject, as we know, dear to numerous European intellectuals in the eighteenth century (and to Algarotti among them).

Algarotti had a whole series of traditional commonplaces at his disposal to describe Elisabetta Petrovna: apart from her military conquests, her clemency, her beauty, the way she followed in her father's footsteps; I already mentioned her accomplishments in building St. Petersburg, but another aspect of her administrative skills is highlighted: *Auctis sine querela vectigalibus* ("Taxes were increased without giving rise to complaints"), with reference to Petr Suvalov's tax reform.

It is therefore clear that Algarotti did not only select those episodes from Russia's history that could easily be represented on medals, but also facts which, in his view, had contributed to forming the framework for civil society in Russia. The celebration of Catherine II's first legislative acts (*Iure emendato, certibusque legibus definito* ("The law was amended and clearly defined")) corresponds to this vision, even though it is fairly predictable, given the resonance that the deeds of the new sovereign enjoyed in Europe. I

would just like to point out that in the *Storia metallica* epithets taken from Graeco-Latin mythology become increasingly frequent to describe Catherine: she is compared at once to Minerva and Venus, and to Minerva allied with Apollo (i.e. wisdom with the arts): quite comprehensible, if one considers that metallic history was the author's way of ingratiating himself with the empress.

So what image of Russia does the *Storia metallica* give us? That of a young, war-like nation, comparable to Rome not only in terms of its military glory, but also in terms of the way social life was increasingly organized, thanks to enlightened sovereigns and their ministers: an image that Catherine herself would have appreciated, had she received the project.

Maria Di Salvo (University of Milan, Italy)

NOTES

¹ Pisa, February 13th, 1764, in *Opere varie*, vol. V, (Livorno, 1764), pp. 17-18.

² Although it may be remembered that Algarotti's admirer and biographer D. Michelessi before becoming Gustav III's confidant, had spent some time in 1770 at Friedrich II's court and dedicated his biography of Algarotti to the Prussian king.

³ F. Arato, *Il secolo delle cose* (Genova, 1991), p. 98.

⁴ Feofan Prokopovich might have the same passage in mind when he addressed Russia with the words "[Petr] zastal v tebe silu slabuiiu i sdelał po imeni svoemu kamennuiiu", but, again, Algarotti's motto seems to start from the actual changes introduced by Elizabeth.

⁵ F. Ley, *Le Maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe siècle* (Paris, 1959). See for example pp. 118, 154, 24.

VI. ПИСЬМО ИЗ ТЕМНИЦЫ

“Милостивому моему государю дядюшке Тимофею Терентьевичу и государыне тетушке Федосьи Григорьевне и с племянниц[и]. Племянник ваш Дмитрий Григорьев премного кланяется. Известно тебе буди, дядюшка и тетушка, повинен я вашей милости, что я поднял у вашей милости на дворе оклад твой и, слово, не знаю ничего, повинен я теперь плахе. Пожалуй, дядюшка Тимофей Терентьевич и тетушка, не попомните моей досады, не морите меня голодною смертию, и я вашу милость, как Бог вынесет, должен я у вас ноги целовать, не токмо целовать, должен обвеать. Пожалуй, дядюшка, не оставь темнишного моего прошения, за что должен я вашей милости служить безызменно. Братцу моему Николаю Тимофеевичю и сестрице Катерине Тимофеевне и Прасковье Тимофеевне из темницы брат ваш кланяется, пожалуйста, поклонитесь батюшке своему и матушке Федосье Григорьевне, а моему дядюшке, чтоб меня не покинули в темнице. За сем писал племянник твой Дмитрий, ис темницы слезно кланяюсь”.

Это письмо, датированное 1728 годом и адресованное стряпчему вотчин Троице-Сергиева монастыря Тимофею Синявскому, было написано его племянником, жителем уездного города Бежецка Дмитрием Попковым, заключенным в местную колодничью избу.¹

На первый взгляд, текст письма достаточно зауряден и малоинформативен. На две трети он состоит из ритуальных поклонов дядюшке, тетушке и их детям, просьбы не забыть его автора и не дать умереть голодной смертью, обещания быть за это вечно благодарным и лишь мимоходом Попков упоминает об окладе от иконы, поднятом им на дворе у дяди. Однако, как известно, частная переписка горожан XVIII в. большая редкость, а уж письмо, посланное из тюрьмы, тем более. Но как вообще могло быть оно написано, передано на волю и тем более сохраниться в городском архиве? Чтобы ответить на эти вопросы надо попытаться выяснить, что

представляла собой темница небольшого провинциального городка XVIII в. и каковы были условия содержания в ней?

Как известно, строительство тюрем в качестве специальных пенитенциарных учреждений началось в России лишь в царствование Екатерины II после судебной реформы 1775 г. До этого, когда судебными функциями обладали едва ли не все органы исполнительной власти, практически при каждом из них была колодничья изба, где заключенные содержались до вынесения приговора, а в штате этих учреждений числились заплочных дел мастера, т. е. палачи, производившие пытки и телесные наказания. Общие условия содержания в тюрьмах того времени достаточно подробно описаны в соответствующей литературе², что избавляет от необходимости их повторять. Нас же интересует конкретное узилище из-за стен которого вырвалось на волю восток от одного из его узников. В документах Бежецкого городского магистрата и воеводской канцелярии имеются, хоть и обрывочные, но довольно многочисленные упоминания о колодничьей избе, позволяющие составить о ней довольно полное представление.

Не смотря на название “изба”, это, естественно, не была специальная постройка, но всего лишь помещение в том же деревянном строении, где располагался и сам городской магистрат. Судя по всему, она представляла собой, одну комнату, непосредственно примыкавшую к так называемой “подъяческой светлице”, т. е. тому помещению, где велось делопроизводство магистрата и происходили городские советы.³ По всей видимости, они разделялись сенями, в которых находился “нужник”. Эта деталь фигурирует в ряде документов, поскольку некоторые арестанты именно, когда их отводили в нужник, кричали “слово и дело”, по-видимому, рассчитывая, что будут услышаны присутствующими в магистрате.⁴ Нужник, надо полагать, был один на все строение. Заметим, что отхожее место в Бежецкой тюрьме, таким образом, было теплым, в отличие, например, от тюрьмы Петропавловской крепости в Петербурге, где “нужники” находились во дворе.⁵

Неизвестно, каковы были размеры колодничьей избы. Вряд ли это была большая комната, но, совершенно очевидно, что она никогда не пустовала. Так, в одном из дел упоминается о 16 заключенных находившихся там одновременно. Среди них было одиннадцать бежецких купцов, одна купчиха и пятеро крестьян.⁶ Таким образом, мужчины и женщины содержались вместе и также вместе держали всех преступников, не зависимо от тяжести предъявленных им обвинений. Так, среди упомянутых 16 находились два человека, сидевшие по делу об убийстве. Все остальные, как утверждал магистрат, были задержаны из-за долговых обязательств. При этом социальный состав заключенных далеко не всегда был столь же однороден: в одном помещении держали не только горожан и крестьян, но и священников, иногда мелких чиновников, военных, в том числе офицеров.

Просьба о помощи в процитированном мною в самом начале письма конечно же не случайна. Действительно, как известно, в XVIII в., да и в более позднее время заключенные питались тем, что им приносили родственники, или за счет сбора милостыни, для чего их специально водили по улицам и базарам. За 1723 г. сохранилось упоминание о том, что денщик Бежецкой ратуши вместе с одним из заключенных, которого ему было поручено охранять, “ходили к нему в дом ужинать”.^{7*} Бежецкие документы свидетельствуют о том, что из колодничьей избы заключенных нередко отпускали (по-видимому, под честное слово, а иногда под караулом) домой и даже в кабак. Так, например, в 1763 г. два горожанина были ночью арестованы за пьяную драку и их вместе с еще двумя свидетелями отвели в магистратскую тюрьму, после чего “за караулом магистратского денщика Петра Мотовилова... еще до утреннего пения сошли, и по впуску целовальника, быв в Подгорном кабаке и выпив потребное число вина и пива, пришли к магистрату, при котором реченная полиция находитца, и, постукався у сенных дверей (которые были

заперты), за неотпором тех дверей разошлись все по домам своим...”⁸ Пьянствовавший вместе с порученными ему заключенными денщик, надо полагать, им не препятствовал.

Как и в других городах России того времени, двери колодничьей избы Бежецкого магистрата в основном были открыты для посетителей – жен и мужей заключенных, их родственников и просто знакомых, причем время посещения, по-видимому, никак не ограничивалось. Посетители подолгу оставались в колодничьей избе, распивали вместе с заключенными спиртное, играли в карты и т. д.

Общая картина, создаваемая бежецкими документами, хотя среди них нет таких, которые были специально посвящены описанию колодничьей избы и условиям содержания в ней, с точки зрения человека XX и тем более начала XXI в. достаточно противоречива. С одной стороны, мы наблюдаем определенную простоту нравов, неизбежную в условиях маленького городка, где и заключенный, и полицмейстер, и тюремщик, и палач были если не родственниками, то хорошими знакомыми, ходили к друг другу в гости и сидели за одним столом в кабаке. Эта патриархальная простота безусловно облегчала условия содержания колодников, делая их, казалось бы, невыносимо легкими в сравнении с последующими столетиями. Правда, при этом стоит сделать оговорку, ибо можно предположить, что на практике все сказанное относится в первую очередь к самим горожанам, которые, попав в заключение, оказывались в более выгодном положении, чем представители других социальных групп. Так, посаженным в колодничью избу крестьянам трудно было рассчитывать и на сочувствие караульных, и на помощь родственников. С другой стороны, есть немало свидетельств того, что представители власти нередко использовали заключение в колодничью избу в своих корыстных интересах. Вообще надо заметить, что попасть в заключение было очень легко. Закон почти никак не регламентировал в каких именно случаях человек мог быть подвергнут аресту, и тюремное заключение было по сути элементом обыденности, повседневности, таким

же, как и физическое наказание. Но также не был регламентирован и режим содержания, строгость которого зависела исключительно от воли чиновников. Так, в 1758 г. в крестьянин помещика Ф.И. Козлова Василий Яковлев жаловался в Главный магистрат, что в Бежецке “на торгу” по приказу одного из служащих магистрата арестовали приказчика его хозяина и “держат в Бежецком магистрате в колодничьей тюрьме под караулом яко злодея, и морит голодною смертию и никою к нему не допускает, и пищу дают караульные ходаки Бежецкого магистрата за дачю, что не довольно. В той же тюрьме обще с ним содержатца множество Бежецкого уезду мужеска и женска полу в несносных и тяжелых цепях и железах и ругаяся, и для тесной нужды не допускают”. При этом он добавлял, что колодничья изба “с сторон огорожена забором, а дверьми – в магистрат, так что и свету нет”²⁴. Надо заметить, что подобные жалобы на содержание арестованных за мелкие правонарушения встречаются довольно часто и, как правило, в них присутствует упомянутая формула – “яко злодеев”, очевидно усвоенная из законодательства и предполагающая особенно суровый режим содержания. По мнению жалующихся, они или их родственники подобной жестокости не заслужили. Это свидетельствует о том, что, несмотря на то, что жители Бежецка и его окрестностей вряд ли читали труды Чезаре Беккариа или других современных ему просветителей, считавших, что тюремное заключение, связанное с лишением свободы, само по себе является серьезным наказанием и не должно сопровождаться дополнительными мучениями, они однако находили условия содержания в колодничьей избе Бежецкого магистрата необычно и чересчур жестокими, несоразмерными характеру совершенных преступлений, а отсутствие света и запрет на свидания и вовсе нарушением прав заключенных. При этом стоит подчеркнуть, что жалоб на незаконность самого ареста практически не встречается. Иначе говоря, право любого чиновника применить подобную санкцию не

оспаривалось. Срок заключения также никак не регламентировался. Хорошо известно, что власти пытались бороться с судебной волокитой; в екатерининское время магистрат должен был регулярно направлять в Главный магистрат ведомости о числе колодников, но на сроках заключения это никак не сказывалось. Нередко, особенно, когда речь шла об уголовных преступлениях, до вынесения приговора люди сидели в колодничьей избе по несколько лет. И это при том, что преступники, как правило, не запирались в своих преступлениях, но, напротив, как правило, чистосердечно и можно даже сказать простодушно рассказывали о совершенном даже, когда речь шла об умышленном убийстве. И тут надо вернуться к процитированному письму. Как могло оно, адресованное родственникам, оказаться среди документов городского магистрата?

Из следственного дела Дмитрия Попкова выясняется, что его обвинили в ограблении церкви. Похищенные оклады от икон он продавал на рынке в Москве, где за этим занятием его застал один из земляков. По возвращении в Бежецк “церковный тать” был арестован. Через посещавшую его в колодничьей избе мать дядя посоветовал племяннику сказать на допросе, что продавал оклад, подобранный на его дворе, а чтобы показания выглядели более достоверными, Дмитрий должен был написать вышеприведенное письмо, отдать матери, а та как бы случайно обронить на улице – так, чтобы кто-нибудь его подобрал и передал в магистрат. Так и случилось, но следователям, привыкшим к чистосердечным признаниям подсудимых, вся эта хитроумная комбинация показалась слишком сложной, а потому подозрительной, и в результате они без особого труда докопались до истины. Иначе говоря, преступник перехитрил самого себя. Окончательное решение по его делу было вынесено Московской губернской канцелярией в 1731 г.: бив кнутом и вырвав ноздри, сослать в Охотск, а его двор описать и продать с торгов. Правда, исполнить приговор сразу же в Бежецке не сумели: “запечных дел мастер” Федор Винокуров и сам в это время был взят к следствию в Углич. Попкова пришлось отправлять в

Москву, где недостатка в подобных «мастерах», надо полагать, не было. Но прежде чем это произошло, он уже успел отсидеть в заключении по меньшей мере три года. Однако по меркам того времени это был в сущности пустяковый срок, а в данном случае преступник, надо полагать, мечтал, чтобы он продлился как можно дольше.¹⁰

А. Каменский (Russian State Humanities University, Moscow)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 459. Бежецкая воеводская канцелярия. Оп.1. Д.3. Л.33.

² См.: Никитин, В.Н., *Тюрьма и ссылка: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560 – 1880 гг.* СПб., 1880; Гернет, М.Н., *История царской тюрьмы.* М., 1960. Т. 1; Анисимов, Е.В., *Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке.* М., 1999. С. 589 – 614.

³ РГАДА. Ф.709. Бежецкий городской магистрат. Оп.2. Д.1200. Л.1.

⁴ См. например: Там же. Д.1193. Л.1-2.

⁵ Анисимов, Е.В., *Юный град: Петербург времен Петра Великого.* СПб., 2003. С. 173.

⁶ РГАДА. Ф.709. Оп. 2. Д.1201. Л.1.

⁷ Там же. Д.132. Л.2.

⁸ Там же. Д. 1196. Л.3.

⁹ Там же. Д.1173. Л.42об. 43.

¹⁰ Там же. Ф.459. ДЗ. Л.33-90.

VI. «ВЕРГИЛИЙ» М. Н. МУРАВЬЕВА. К ПРОБЛЕМЕ ГУМАНИЗМА В РОССИИ.

В истории европейской культуры известен «Вергилий» Петрарки, великолепное рукописное издание произведений латинского поэта, хранящееся в настоящее время в Амброзианской Библиотеке в Милане. «Вергилий» же М.Н. Муравьева (1757-1807), одного из основоположников русского сентиментализма, в 1803-1807 гг. попечителя Московского университета – это экземпляр ин-кварто базельского издания конца 1540 гг. Полного собрания сочинений автора, с обильным комментарием на-лалыни авторитетных ученых античного и нового времени, под редакцией Георга Фабриция из Хемницера:

P. Vergilii Maronis Opera, quae quidam extant, omnia: cum veris in Bucolica, Georgica & Aeneida commentarijs Tib. Donati & Seruij Honorati, summa cura ac fide à Georgio Fabricio Chemnicense emendatis / Adiecto etiam ab eodem rerum & et verborum locuplete in ijsdem memorabilium indice. Quibus accesserunt etiam Probi grammatici, Pomponij Sabini, Phil. Beroaldi, Ioan. Hartungi, Iod. Vvillichij, Georg. Fabricii, Bonfinis, & aliorum annotationes... Basileae: ex officina Henricpetrina [Heinrich Petri], [> 1547].

Он хранится в Научной Библиотеке Московского Университета,¹ в составе «книг М. Н. и Н. М. Муравьевых, пожертвованных К. Муравьевой», вдовой писателя и матерью декабриста, в 1844 г., после смерти последнего.

А «текст», о котором идет речь в настоящей работе, состоит из заметок на полях данной книги, вернее – из тех многочисленных помет, которые имеют непосредственное отношение к ней² и которые – при всех их разнообразии и несистематичности – отличаются специфическим характером и внутренним единством.

Как библиотека, так и читательские дневники М. Н. Муравьева уже стали предметом различных исследований,³ но эта книга не привлекала должного внимания. Поскольку полная публикация заметок еще ждет своего часа, настоящая работа ставит себе целью представить их в общих чертах и определить их значение в контексте русской культуры последней четверти XVIII века.

Первой из помет нашего “текста” можно пожалуй считать владельческую надпись на титульном листе, где Муравьев сознательно усугубил отмеченный параллелизм между начальным “М” надписи предыдущего владельца (M. Joh.[ann/es] Gideon Pellius),⁴ и инициалом своего имени (M. Muravieff), а также и между датами приобретения книги – 1721 г. и 1771 г. соответственно. В то время ему было 14 лет, он жил в Вологде, куда был командирован его отец, военный инженер. Окончив гимназий при Московском университете, в провинциальном городе он продолжал свое образование с помощью Мих. Андр. Засодимского, преподавателя риторики Вологодского духовного семинария, впоследствии переводчика *Георгик*.⁵ Не исключено, что именно от него Муравьев получил роскошное издание Вергилия.

Но основной корпус интересующих нас заметок восходит к 1776-1777 гг.,⁶ времени, когда автор уже сделал себе имя в литературной среде столицы, работал над трагедией *Болеслав*, над новаторскими *Новыми лирическими опытами* и занимался итальянским языком. Они встречаются на (боковых и нижних, порой и верхних) полях страниц, помещающих все произведения Вергилия а также продолжение *Энеиды* итальянского гуманиста Маффея Веджио (Maffeo Vegio, 1407-1458) и короткие поэмы *Комар*, *Сорока* и *Этна*. Они теснятся на страницах более известных эпизодов (IV книги *Буколик* с пророчеством о «младенце», IV книги *Энеиды*, с эпизодом Дидоны), между тем как на полях других книг встречаются единичные заметки. Подчеркивания, крестики и другие знаки отсылки показывают, к какому стиху или слову, стихотворного текста или комментария, они относятся.

Среди них можно различить три группы: 1) примечания литературного или филологического характера, чаще всего на латыни, своеобразное расширение латинского комментария; 2) авторские переводы отдельных фрагментов, и, главное, 3) цитаты произведений новых, а иногда и древних, поэтов, подражавших Вергилию, или касающихся подобной темы, то с коротким введением по-латински (например: *Hoc imitavit in ... celeberrimus ...*), то сами по себе.

Рассмотрим каждую группу по отдельности. В некоторых примечаниях поэт Муравьев профессионально судит о погрешностях латинского автора: например, в первой *Эклоге* он отмечает противоречие между любовными восклицаниями Титира и его седыми волосами (Б. I, 28; ст. 5), а по поводу четвертой песни *Энейды* пишет, что отчаяние Энея выражено холодно, хуже чем в аналогичной сцене *Освобожденного Иерусалима* Т. Тассо: “In sequentibus desperatio Aeneae videtur mihi frigidior expressa ac Renaldi” (Э. IV, 381, ст. 846).⁷

Редко мы находим выражение его эстетического восприятия латинского текста,⁸ чаще встречаем примечания “по поводу”: например, в начале *Георгик* Муравьев “беседует” с автором комментария о композиции дидактических поэм, приводя в пример Горация, Овидия, Буало и Расина-сына⁹ (Г. I; ст. 117-118), а в четвертой книги описание общества пчел заставляет его пересказывать на латыни ту страницу *Французской поэтики* Мармонтеля, где отмечаются противоречия в эстетических взглядах Тассо (при этом Муравьев показывает свое непосредственное знание итальянского оригинала)¹⁰ (Г. IV, 8-12 ; ст. 313-314). Если о серьезных предметах Муравьев размышляет по-латински, то о любви, о необходимости влюбленных делиться с кем то ни было своими чувствами и о страхе произнести имя возлюбленной особы, он пишет по-французски (Э. IV, 10; ст. 787).¹¹ Среди переводов, находим начало первой эклоги (“*Tityre tu patulae*”), написанное шестистопным ямбом (Б. I, 1-7; ст. 1-2)¹² и два отрывка начала *Этны*, один восходящий к самому началу, другой к середине 1770-ых гг. (А. 1-12; ст. 1929-1930). Кроме них, Муравьев выделил

отдельные стихи *Буколик* и *Энейды*, отличающиеся особой лаконичностью выражения. Любопытно, что в комментарии к *Георгикам* он заметил один из немногих уцелевших фрагментов друга Катутла Цинны и изящно перевел его. “*Te matutinus flentem conspexit Eous, et flentem paulo vidit post hesperus idem*” стал:

И утром занялась, в слезах твоих заря,

И тух вечерный свет тебя во плаче зря (Г. I, 280-302; ст. 173-174).

Но большинство из записок составляет своеобразный комментарий, отсылающий не только к источникам основного текста, а – гораздо чаще – к той традиции, источником которой текст является. Примечательно, что молодой Муравьев соотносит вергилиевые стихи *Буколик* и *Георгик* с – так сказать – «просветительской» традицией Эпикура (*Письмо к Пифоклесу*), Лукреция (*О природе вещей*), Цицерона (*О пределах добра и зла*) и Овидия (*Фасты*). Но еще интереснее факт, что он прослеживает вергилиевую традицию от поздней античности до ближайшей современности.

Помимо самых известных произведений, из античных Муравьев цитирует поэму об астрономии М. Манилия, сатиры А. Ф. Персия (I в. н. э.), поэму Силия Италика о пунических войнах (II в. н. э.), поэму *Pervigilium Veneris* неизвестного автора. Не забывает он и латинских поэтов нового времени, Марка Иеронима Виды (Marco Girolamo Vida, 1485-1566), автора трех книг *De Arte Poetica*, и Шарля-Альфонса Дюфренуа (Charles-Alphonse Dufresnoy, 1611-1668), автора поэмы о живописи *De arte graphica*.

Из писателей на национальных языках, на полях *Буколик* чаще всего встречаем имя и стихи Т. Тассо (в связи с пасторальной драмой *Аминта*), но присутствует и Марко Кольтеллини, автор либретто оперы *Армида*;¹³ следуют “celeberrimus” Ж. Б. Руссо (1671-1741), немцы И. Элиас Шлегель и Эвальд Х. фон

Клейст, русские Ломоносов, которого цитируются переводы, включенные в *Риторику*, и Сумароков.

Если по поводу четвертой эклоги Муравьев отмечает, что Ж. Б. Руссо взял очень много из нее в своей *Оде на день рождения Герцога Бретани* (Б. IV, 8-10; ст. 45-46), то он находит у другого Руссо, Жан-Жака, реминисценцию из стихов второй книги *Георгики* “O fortunatos nimium, sua si bona norint/ Agricolas...” (“Блаженны крестьяне, если бы только знали свое благо”).¹⁴

Среди других писателей, имитирующих *Георгику*, встречаются и Вольтер и *suavissimus voluptatis poeta Chaulieu*, и другой поэт наслаждения, Д. Б. Марино, правда благодаря его религиозной поэме *Избиение младенцев*.¹⁵ А по поводу описания дождя во второй книге, после ряда отрывков античных авторов, Муравьев скромно добавляет: «Neque hoc absimilis mihi videtur» (“Это тоже мне кажется похоже”); следует седьмая строфа его *Оды десятой. Весна. К Василью Ивановичу Майкову* (Г. II, 326; ст. 239).¹⁶

Сопоставления, вызванные различными песнями *Энеиды* не удивляют: Муравьев знал и любовно цитировал авторов од и эпических поэм, Тассо прежде всего, но и Вольтера *Энриады*, Клопштока *Мессиады* и др.; в 1779 г. он добавил: «Теперь можно присовокупить начало нашей бессмертной, как Енейда, *Россиады*. 1779» (Э. I; ст. 373-374). И его внимание привлекали также разные трагедии Расина и Сумарокова, где нашел отражение тонкий психологизм Вергилия – автора четвертой песни (о Дидоне).

Но примечательно, что с той же любовью Муравьев записывал и отрывки герой-комических поэм Буало и В. Майкова. Рядом с ними, и его латинские заметки звучат как пародия: “Facete vertit hoc Boileau in ridiculum, ubi artificem capillamentorum, ita inducit, ad uxorem suam loquentem...” (“Остроумно это пародирует Буало, где заставляет парикмахера так говорить жене...”; Э. IV, 340; ст. 839-840).¹⁷ И здесь автор не забывал упоминать о своих экспериментах: юношеской

трагедии *Дидона*, впоследствии предмете собственной беспощадной критики,¹⁸ и недавней поэме *Осада Нарвы*: “Нос ipsum ita sonat ruthenice redditum in Poemate de Obsidione Narvae” (“То же самое так звучит в русском переводе в поэме об Осаде Нарвы”; Э. IV, 690-692; ст. 875-876).¹⁹ Чтение муравьевских записок производит ощущение культуры пестрой но целостной, дает впечатление посетить общее пространство, где находят себе уютное место античные исследователи природы, набожные мыслители и фривольные поэты, греки и русские, великие и маленькие до самого двадцатилетнего их автора.

Поэтому, подведя итоги сказанного, хочется определить “текст” – предмет нашего наблюдения, как произведение русского гуманиста конца XVIII в.. Термин “гуманист” в смысле литератора, занимающегося античным наследием (*humanae litterae*), и производное слово «гуманизм» применительно к России обычно не употребляются. Здесь, конечно, речь не идет о периодизации культурных эпох, а просто об определении мировосприятия Муравьева в данном периоде его жизни, о духе специфического текста.

Помимо использования латыни и цитирования уже указанных произведений, интерес автора к культуре итальянского гуманизма подтверждается тем, что на внутренней стороне передней обложки он приклеил лист, содержащий латинский текст первой эклоги под заглавием *Дафнис* гуманиста Марка Иеронима Виды, о котором мы уже говорили, а, на полях введения (*Prolegomena*) в *Буколики*, записал (на русском языке) жизнь его автора, Иулия Помпония Лета – или Сабина (*Giulio Pomponio Leto*, 1428-1497), основателя Римской Академии, фанатического приверженца античной культуры, до попыток восстановления языческих ритуалов.

Не только интерес, но и чувство участия в культуре гуманизма, и даже своего рода отождествление с одним из ее ранних представителей можно усмотреть в том факте, что на задней стороне форзаца книги, изящным латинским полууставом Муравьев записал ту заметку, которую Петрарка написал на своем “Вергилии” после

смерти Лауры: "Memorabilia quaedam de Laura manu propria Francisci Petrarcae scripta in quodam codice Virgilii in Paphiensi Biblioteca reperto".

Вместе с тем, Муравьева не покидал интерес к России. На это указывают не только цитирование имен и стихов русских авторов, от Ломоносова до него самого, но и тщательность, с которой он отмечал все сведения о Скифии, встречающиеся в комментарии к *Георгикам* Помпония Лета, и особенно такое "восклицание", почти единичное исключение среди серьезных латинских "глосс": "Возможно ли столько подробностей знать сему господину Помпонию Сабину, которые не могут к чему другому примениться, как к России? Нигде не упускает он, что нибудь сказать о Сармации и Скифии" (Г. I; ст. 162). Здесь Муравьев проявлял удивительное чутье: как явствует из записанной им биографии Лета, он ведь об этом не знал, но гуманист действительно совершил "скифское путешествие", в 1472 г., сопровождая Софью Палеологу, когда она вышла замуж за Иваном III Васильевичем.

Естественно, как в XV веке путешествие настоящего гуманиста в Москву, так и работа Муравьева над "Вергилием" не означала возникновение гуманизма в России. В 1780-е гг. сам автор решил "освободить себя из тяжкого дыхания Педантической Атмосферы",²⁰ и в личном и в творческом плане, перестал печататься, писал "для себя" *Pièces fugitives* ("легкие стихотворения"). Тем не менее, в своей кратковременной деятельности попечителя Московского университета он постарался осуществить свои юношеские культурные идеалы, поощряя широкую программу переводов античных авторов; и посмертные отзывы таких литераторов, как Н. Кошанский, А. Мерзляков, Н. Гнедич, К. Батюшков и Р. Т. Гонорский,²¹ подчеркивающие в Муравьеве преимущественно "любовь к древним, дух древности",²² показывают, что его стремления правильно воспринимались.

Laura Rossi (University of Milan)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НБ МГУ 1 Іе 52. Далее ссылки на этот экземпляр будут даны в тексте с указанием прокомментированных произведения, книги и стихов – сочетанием начальной буквы и римской и арабской цифр, и столбца/ов, рядом с которым/и помещается заметка.

Сердечно благодарю И. Л. Великодную, Г. А. Космолинскую, М. И. Ленчиненко, А. И. Любжину и других бывших и настоящих сотрудников Научной Библиотеки МГУ за беспримерно теплый прием, дельную помощь и ценные советы на протяжении многих лет общей работы над муравьевским наследием.

² Поскольку Муравьев часто использовал любимые книги и как рабочие тетради или дневник, на форзаце и других свободных листах “Вергилия” мы находим например ранний вариант начальной сцены его трагедии *Болеслав* и перечень его публикаций с 1773 г. по 1777 г.

³ Э.И. Лесохина, ‘В библиотеке декабриста Никиты Муравьева’, *Книга. Исследования и материалы*, Сб. XVIII (М. 1969), с. 210-217; И.Ф. Мартынов, ‘Библиотека и читательские дневники М. Н. Муравьева’, *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник на 1980 г.* (Л. 1981), с. 48-62; И.Ю. Фоменко, ‘М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 – начала 1780-х годов’, *Рукописи. Редкие Издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского Университета* (М. 1997), с. 102-125. И. Фоменко справедливо пишет о том, что для Муравьева чтение было “вдохновенным, напряженным и плодотворным творческим трудом”, “одновременно ... работой, учебой, удовольствием” (102).

⁴ Он оставил ряд подчеркиваний, исправлений и помет филологического характера.

⁵ Р.М. Лазарчук, “... С Латынского языка переведены на Вологде” (Кто был первым переводчиком “Георгик” Вергилия?), Лазарчук Р.М., *Литературная и театральная Вологда 1770-1800-х годов* (Вологда 1990), с. 83-95.

⁶ Они все написанные чернилами, – изящной “беловой” скорописью или полууставом. Атрибуция и датировка подтверждаются сопоставлением с датированными письмами Муравьева, хранящимися в ОПИ ГИМ (Ф. 445).

⁷ Аналогичную заметку находим в рабочей тетради 1776 г. (ср. L. Rossi, ‘Aspetti della ricezione della cultura italiana negli scritti di M. Murav’ev’, in *Settecento Russo e Italiano*, a cura di Maria Luisa Doderò e Maria Cristina Bragone, (Bergamo 2002), p. 185).

⁸ Например, в *Этне* он находит “l’empreinte de l’Antiquité” (“печать Античности”; Э, 63-64; ст. 1933-1934).

⁹ Louis Racine (1692-1763), автор поэм : *La religion, Poème sur la Grâce*.

¹⁰ Ссылаясь на текст французского писателя (Jean-François Marmontel, *Poétique française* (Paris 1763), p. 326) Муравьев пополняет его цитаты из *Рассуждения о героической поэме* Тассо (T. Tasso, *Discorsi del poema eroico* (Napoli, 1594), L.1, L.2).

¹¹ В заметках филологического характера Муравьев прибегает к авторитету немецких ученых, Гроновия (Johannes Fredericus Gronovius, 1611-1671) и авторов книги *Fundamenta stili cultioris* (Leipzig 1766), Gottlieb Heineccius, 1681-1741 и Johann Matthias Gesner, 1691-1761.

¹² Впоследствии Муравьев перевел его гекзаметром (ср. М.Н. Муравьев, *Стихотворения* (Л. 1967), с. 253).

¹³ Муравьев получил его в подарок от Н.А. Львова в начале своих занятий итальянского языка (ср. L. Rossi, *op. cit.*, pp. 185; 195-6).

¹⁴ "Le paisible habitant des champs n'a besoin, pour sentir son bonheur, que de le connoître. J. J. Rousseau, *La nouvelle Heloise*, tom. V, p. 29" (Г. II, 458-459; ст. 253-254).

¹⁵ Он обильно цитируется и на страницах *Энейды*.

¹⁶ ср. М.Н. Муравьев, *ук. соч.*, с. 127.

¹⁷ Речь идет об эпизоде поэмы *Le lutrin* (Налой), II, 43-46.

¹⁸ РО РНБ, Ф. 499, ед. хр. 37, л. 3-20.

¹⁹ Ср. Л.А. Алехина, 'Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах отдела рукописей', *Записки отдела рукописей*, вып. 49 (М. 1990), с. 61.

²⁰ Дневниковая заметка конца 1780-х гг. (РО РНБ, Ф. 499, ед. хр. 30, л. 83).

²¹ Н. Кошанский, 'На кончину Михайла Никитича Муравьева', *Вестник Европы*, октябрь 1807, № 19, с. 189-196; А. Мерзляков, 'Нечто об эклоге', *Эклоги П. Виргилия Марона*, переведенные А. Мерзляковым, проф. Императорского Московского Университета (М. 1807), с. IX-XX; Н. И. Гнедич, *Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности* – читанное в торжественном собрании Помощником Библиотекаря коллежским ассесором и кавалером Гнедичем (СПб. 1814); К.Н. Батюшков, 'Письмо к И.М. М.-А. о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине', *Сын отечества*, 1814, ч. 16, № XXXV, с. 87-116; Р.Т. Гонорский, 'Нечто о нашей живописной прозе и о нынешнем состоянии русской словесности вообще', *Украинский вестник*, 1816, ч. 4, дек., с. 374-384.

²² Ср. черновую заметку Батюшкова (Г.А. Космолинская, 'Константин Батюшков – редактор "Эмилиевых писем" М. Н. Муравьева', *Рукописи. Редкие Издания. Архивы*, Из фондов библиотеки Московского Университета (М. 1997), с. 147).

VIII. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ МОНАСТЫРСКИХ И АРХИЕРЕЙСКИХ ПОДВОРИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Изучение храмовой архитектуры России (в частности Санкт-Петербурга) долгое время было недоступно для отечественных исследователей, ввиду известных исторических причин.

К 1917 году в Санкт-Петербурге насчитывалось около 470 Православных церквей, в число которых входило 50 монастырских подворий. Из них на сегодняшний день сохранилось только 20. Большинство из них дошли до нас в искаженном и перестроенном виде, так как долгое время использовались не по назначению. Подворья особенно пострадали: храм монастырского подворья мог превратиться в мебельную фабрику, склад, каток, станцию метро, общежитие, универмаг и т.д. Очевидно, что тема создания и существования подворий сегодня вызывает повышенный интерес. В первую очередь, это связано с необходимостью реконструкции и реставрации, возвращенных Церкви храмов, а также с проектированием новых комплексов подворий в Петербурге.

Впервые монастырское подворье явилось предметом специального изучения в кандидатской диссертации "Монастырские и архиерейские подворья Санкт-Петербурга XVIII-начала XX веков", защищенной автором настоящей статьи в Санкт-Петербургском государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Российской Академии художеств в 2000 году.¹

Само слово "подворье" нам кажется сегодня устаревшим, а его первоначальное значение утрачено. О происхождении названия свидетельствуют несколько версий.² В диссертации предложена следующая формулировка: Подворья

– это представительства монастырей, духовных миссий, других епархий (архиерейские подворья), а также иных Православных Поместных Церквей, чаще всего в столице или крупном городе,* с храмом или часовней, келейными и хозяйственными постройками на собственной территории, которые выполняют богослужебные, представительские, административно-хозяйственные и нравственно-просветительские и паломнические функции.

Активное строительство монастырских подворий в столице приходится на конец XIX – начало XX вв., когда святые обители переживают своеобразный ренессанс.³ Рост социальной функции подворий в городе к этому времени, вносит

значительные изменения в их архитектурные решения. Формируется тип монастырского подворья, представляющий комплекс сооружений (храм, жилой дом, хозяйственные постройки и монастырский сад), играющих роль градостроительных доминант, как исторического центра, так и промышленных районов Санкт-Петербурга.⁴ Однако, традиция организации монастырских подворий восходит ко времени основания Санкт-Петербурга.

Первые мазанковые и деревянные подворья появились еще за несколько лет до начала строительства Александро-Невского монастыря. Созидание храмов было главной задачей, ради которой епископы стали приезжать в Петербург.⁵ По именному указу царя от 6 марта 1708 г. “архимандриту Хутыня монастыря” Феодосию Яновскому велено ехать в Санкт-Петербург и в новозавоеванные города – Шлютельбург, Нарву, Копорье, и в Ямбурх. Приехав в Петербург, Феодосий

Яновский устроился на подворье Новгородской епархии, которое находилось на Петроградской стороне в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Иерархи раньше всех ощутили необходимость иметь на случай своих приездов в столицу специальные помещения – “дома духовных особ”. Так в 1710 году Феодосий Яновский обратился к Петру с прошением о предоставлении места для подворья. Участок размером 12х20 сажень был отведен на дороге из города, которая и обозначила направление Невского проспекта (на углу Невского проспекта и тогда еще не существовавшей Малой Морской улицы).⁶ Мазанковое подворье было построено за четыре года по рисункам Д. Трезини и за это время Феодосий Яновский был определен Петром I настоятелем Александро-Невского монастыря. Из подворий, расположенных на Адмиралтейской стороне, также известно подворье Александро-Свирского монастыря, которое появилось, по воле Петра, неоднократно посещавшего монастырь.⁷

По времени своего возникновения, далее следует подворье Троице-Сергиевой Лавры на реке Фонтанке, построенное в 1718 году, на земле пожалованной Петром I. Строительство подворий на отведенных местах велось архиереями за свой счет. Так каменный дом на Неве (недалеко от нынешнего Тучкова моста) появился у епископа Рязанского и Московского Стефана Яворского. Феофан Прокопович епископ Псковский, а затем Новгородский владел несколькими подворьями. Одно из них было “против Адмиралтейского лугу, каменные небольшие палаты”. С утверждением Святейшего Правительствующего Синода у Феофана появляется еще одно подворье на берегу реки Карповки.⁸ Построенное по проекту Феофана, подворье имело вид добротной архиерейской усадьбы: на участке располагалось несколько домов и

церковь, освященная во имя 12-ти Апостолов.⁹ О разносторонних интересах Феофана, в том числе и к архитектуре, писал датский путешественник фон Гавен: “У него сильная страсть к постройкам, которые хоть и опустошают его казну, зато очень кстати в Петербурге, где так много незастроенных мест”. В 1721 году при подворье открывается школа, в которую Феофан принимает “сирот без всякого звания”. Согласно сообщению А.А. Нартова, Петр I посещал Яворского и Прокоповича на подворьях: “У Стефана, яко у монаха, а у Феофана весело и время проводить не скучно”, – отмечал государь.¹⁰

Если сравнить опубликованные изображения подворий с изображениями церквей того времени, то напрашивается вывод, - что монастырские и архиерейские подворья первой трети XVIII века не получили вид церковного сооружения, хотя имели домовые храмы.

Важная роль, отводимая при Петре I строительству подворий, как способу обеспечить живую связь между Петербургом и епархиями стала причиной быстрого увеличения представительств епархий и монастырей на Васильевском острове. Среди домов состоятельного сословия – князя Ф.А. Голицина, графа В.И. Стрешнева, на набережной появились: Новгородское, Вологодское, Ростовское, Рязанское, подворье Псковского архиерея и подворье Троице-Сергиевой Лавры.¹¹ Деревянное подворье Александро-Невского монастыря находилось на 7-ой линии. Именно там 9-го февраля 1721 года проходило первое заседание (сессия) еще официально не открытого Святейшего Синода. Каменное подворье было построено в 1726 году под руководством Д. Трезини и Т. Швертфегера по типовому проекту “дома для именитых.”

Монастырские и архиерейские подворья первой трети XVIII века, не получили вид церковного сооружения (хотя имели домовые храмы). На ранних стадиях создания Петербурга подворья выполняли вполне конкретные задачи: первые мазанковые и деревянные, появившиеся в 1710-е годы, обеспечивали временное местопребывание приезжающих в столицу архиереев; с учреждением Духовной коллегии каменные подворья сооружались для постоянного пребывания архиереев в столице, поэтому отвечали требованиям жилого строительства того времени. Ярко выраженный жилой характер зданий вполне соответствовал их назначению и, несмотря на некоторые отклонения от "образцового" чертежа, подворья органично вписывались в жилую застройку Васильевского острова, не нарушая архитектурного облика набережной.

Важная градостроительная роль подворий, на которую указал Петр I в процессе планировки городской территории, в значительной степени сохранилась при создании комплексов монастырских подворий конца XIX начале XX столетия.

В послепетровское время значение монастырских подворий в столице заметно снижается. Строительство новых подворий во второй половине XVIII столетия прекратилось, что объясняется общей государственной политикой того времени.

Инна Семенова (Санкт-Петербург)

ПРИМЕЧАНИЯ

* Монастырские подворья иного характера могут устраиваться также в сельской местности. Они имеют большое хозяйственное значение, при них, как правило, бывают угодья.

¹ Семенова И.С. *Монастырские и архиерейские подворья Санкт-Петербурга XVIII-начала XX веков*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Санкт-Петербург. 2000. В работе затронуты, как темы историко-социального характера (вопрос возникновения, существования, уничтожения и возрождения

подворий), так и проблемы градостроительных, композиционных и стилевых особенностей церковного зодчества Санкт-Петербурга. Главной целью работы было восполнение пробела в изучении церковной архитектуры Санкт-Петербурга, а также создания условий для реконструкции, использования (с учетом передачи их Церкви) и проектирования новых комплексов монастырских подворий.

² В Толковом словаре В.И. Даля указано: “Подворье – заезжий, постоянный двор, въезжая изба, с местом для лошадей и возов; гостиница; обширный дом с ‘ухожами митрополита, архиерея”. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона сообщает, что подворье это – “жилая местность (подворное владение) в городе, преимущественно в столице, составляющая обыкновенно собственность монастыря, находящегося вне города или даже за границей. При подворье часто устанавливаются церкви, со штатом священно и церковнослужителей из монашествующих того же монастыря. Подворья имеют целью сбор в пользу монастыря пожертвований и доходов”.

³ Новым архитектурным аккордом набережной Невы явился комплекс подворья Киево-Печерской Успенской Лавры архитектора В.А. Косякова, ставший характерным ориентиром панорамы Васильевского острова. Монастырские комплексы являлись доминирующими акцентами как центра, так и промышленных районов, что позволяет говорить об их участии в формировании архитектурно-художественного образа города в целом. Важно отметить, что архитектурно-планировочные решения этих комплексов восходят к традициям многофункциональных древнерусских монастырей. Ансамбли монастырей XV-XVI вв. помимо главного объема – храма, включали архиерейский корпус и трапезную, которые могли соединяться переходами и группировались вокруг центральной площади (например, Ферапонтов монастырь). Характерным приемом также было деление территории монастыря на парадную (с садом), жилую и хозяйственную зоны. Эти особенности, наравне с древнерусским опытом включения монастырей в городскую структуру, нашли продолжение в устройстве комплексов монастырских подворий конца XIX века.

⁴ Монастыри были крайне заинтересованы в организации подворий в Москве и Санкт-Петербурге, а также в крупных городах. Будучи на чужой территории, монастырское подворье было призвано представлять свой монастырь в другой епархии. Монастыри, находящиеся за границей также могли открыть подворье в столице (подворье Афонского монастыря, подворье Пекинской Духовной миссии). Храмы монастырских подворий занимали особое место в духовной жизни города. С появлением подворий, в городах укрепляется богослужебный монастырский уклад. При подворьях открываются воскресные школы, книгопечатные мастерские, иконописные классы, гостиницы для паломников. На подворьях служили уважаемые и опытные старцы, а также находились чудотворные иконы. Подворья помогали организовывать паломничества в монастыри. Нередко прихожане подворья

становились послушниками монастырей. Для строительства подворий выбирали самые выгодные места: по возможности, в центре города, вблизи торговых мест и вокзалов, — иными словами, где посещаемость была бы максимальной. Подворья также возникали в районах рабочих окраин, где при них, в целях религиозно-нравственного воспитания заводского и фабричного населения, открывались детские приюты, общества трезвости и трудолюбия. Многие храмы монастырских подворий возводились в честь памятных дат: в честь 300-летия Дома Романовых; в память 100-летия Отечественной войны 1812 года; в память спасения семьи императора Александра III при крушении поезда 17 октября 1888 года; память коронования Николая II и т.д. Монастырские подворья дали названия двум улицам города: Троицкая ул. (ныне ул. Рубинштейна), была названа именем находившегося на ней Троице-Сергиевого подворья, а также Архиерейская улица (ныне ул. Льва Толстого) получила свое название от расположенного на берегу реки Карповки подворья Новгородского архиепископа Феофана Прокоповича.

⁵ До 1721 г. Петербург и отвоеванная территория состояла в ведомстве Новгородского митрополита Иова. Кроме Петербурга в состав Новгородской епархии входили: Выборг, Ямбург, Нарва, Копорье и Шлиссельбург.

⁶ Участок был зафиксирован на плане части Адмиралтейского острова 1737г., исполненного Петром Еропкиным. Изображение подворья опубликовано: Богданов А.И. "Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год". СПб. 1779., таблица XXXV, фиг. 46.

⁷ Монастырь основан в 1506 г. преподобным Александром Свирским. В начале XVIII в. монастырь сильно пострадал от нападений шведов и литовцев. В это время монастырь помогает государству в Северной войне, в строительстве столицы (в частности в сооружении Александро-Невского монастыря) и доходит почти до полного истощения. К началу XVIII в. монастырь также имел подворье в Москве.

⁸ При учреждении Духовной коллегии (Святейшего Синода) в 1721г., Петр I назначает Стефана Яворского председателем, а Феофана Прокоповича вице-президентом.

⁹ Изображение подворья опубликовано: Брикнер А.Г. *История Петра Великого*. СПб. 1882. Т.2 с. 627.

¹⁰ Нартов А.А. "Рассказы о Петре Великом". *Историческая иллюстрация*. СПб. 2001., с. 92.

¹¹ Подворья зафиксированы на плане части Васильевского острова между 1-ой и 24-й линиями, набережной Б.Невы и Малым проспектом, с показанием существующей застройки 1741 г., в чертежах Стокгольмской коллекции, на плане Зигтейма 1737г. и на Аксонометрическом плане П.Сант-Илера-И.Соколова 1764—1773 гг.

NEWS ITEMS

"International Workshop on "Reading Russian Cultural Texts"

On 2-5 July 2005 about thirty members of the Group and guests met for a workshop at the Villa Cagnola, Gazzada, to the south of the Lombardian town of Varese, Italy. The terrace of the villa commands spectacular views across to Lake Varese and the Alps. The conveners were Maria Di Salvo and Lindsey Hughes, who asked each speaker to focus on a single specific 'text' of his or her choice and to discuss its significance within the context of eighteenth-century Russian culture. (As usual, we had in mind the 'long' eighteenth century, from the late seventeenth to the early nineteenth). Speakers came up with a rich variety of materials – plays, poems, articles, a sermon, translations, historical documents, letters, diaries, medals, ritual and ceremony, maps, a songbook, a building, and a tomb – all of which allowed ample scope for making links. Few speakers strayed much beyond the stipulated twenty minutes, despite occasional failures of technical equipment. The discussion was lively and the criticism constructive, both inside and outside the conference room.

In keeping with the Group's traditions, a cultural programme of local interest was arranged. There was a guided tour of the old villa, which adjoins the modern conference centre and houses a fine collection of paintings, porcelain, majolica and oriental pottery. On the final morning about half the group visited the nearby small town of Castiglione Olona to see buildings and art commissioned by Cardinal Branda Castiglioni (1350-1443), including his Palace, Church di Villa, the *Scolastica* (school of music and grammar), and the Collegiate Chapter and Baptistry, with magnificent frescoes by Masolino da Panicale.

Because the papers are at various stages of completion, ranging from notes for discussion to chapters destined for longer works, there are no plans to publish the complete conference proceedings. However, contributions by Cross, Gherbezza, di Salvo, Kamenskii and Rossi appear in this issue of the *Newsletter*. A complete list of panels and papers

appears below:

Panel 1. Denis Shaw (Birmingham): 'Reading the Book of the Great Map'; Janet Hartley (London): 'Two Lists of Supplies Given to Army Recruits, Voronezh 1770 and Keksholm 1799'; Anthony Cross (Cambridge): 'Pieces of Silver: The Peace of August 1790'.

Panel 2. Gareth Jones (Bangor): '*Truten*' 1769. Novikov's *Kakovy moi chitateli*. Who were the 18th-century readers?'; Giovanna Moracci (Urbino, Italy): 'A Play and its Source. Catherine II's adaptation of Diderot's dramas'; Andrei Zorin (Oxford): 'Andrei Turgenev's Diary, 1799-1803'.

Panel 3. Lindsey Hughes (London): 'The Tomb of Peter I in the Peter-Paul cathedral'; Paul Keenan (London): 'Account of the Wedding of Peter Fedorovich and Ekaterina Alekseevna (1745); Simon Dixon (Leeds): 'Catherine II's Coronation Ritual'.

Panel 4. Eliza Malek (Lodz, Poland): 'Komicheskaia opera kniazia D. Gorchakova "Kalif na chas"'; Ettore Gherbezza (Udine, Italy): 'Shcherbatov's Translation of Beccaria's *Dei delitti e delle pene*'; Alessandra Tosi (Cambridge): 'Zinaida Volkonskaia, "Couplet sur le gothique" (1812?)'; Phillip Bullock: (London): 'Noveishii tualetnyi pesenniik dlia milykh devushek i liubeznikh zhenshchin (Orel, 1821): A missing link in the history of the Russian romance?'

Panel 5. Alexander Kamenskii (Moscow): 'An 18th-Century Letter from Prison'; Roger Bartlett (Nottingham): 'The St Petersburg Panopticon (1807-1818)'; Wendy Rosslyn (Nottingham): 'The First Annual Report of the Women's Patriotic Society (1816)'.

Panel 6. Gary Marker (New York): 'Peter I's Decree on the Coronation of Catherine, November 1723'; Viktor Zhivov (Berkley): 'Strategii prorochestva: Propoved' Stefana Iavorskogo na pamiat' Alekseia cheloveka Bozhiia'; Elise Wirschafter (Pomona, USA): 'Religious Instruction in 18th-Century Russia: The Catechisms of Platon Levshin'.

Panel 7. Maria Di Salvo (Milan): 'Algarotti's Project for an 'Histoire métallique de la Russie'; Laura Rossi (Milan): '"Vergilii" M. N. Murav'eva. K probleme Gumanizma v

Rossii'; Mikhail Velizhev (Moscow-Milan): "Pis'mo k izdateliu" N.M. Karamzina (1802) v kontekste evropeiskoi literaturnoi kritiki'.

There was also an illustrated presentation on the project 'Italian Architects in St. Petersburg' by Nicola Navone of the Archivio del Moderno, Mendrisio, Switzerland.

BOOK REVIEWS

I.

La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle. Etudes réunies par George Dulac avec le concours de Dominique Taurisson et celui de Monique Piha et Marina Reverseau. Centre International d'Etude du XVIIIe Siècle: Ferney-Voltaire, 2004. Pp. v, 374. Plates. Bibliography. Index. ISBN 2-84559-015-6.

Interdisziplinarität und Internationalität. Wege und Formen der Rezeption der französischen und der britischen Aufklärung in Deutschland und Russland im 18. Jahrhundert. Herausgegeben von Heinz Duchhardt and Claus Scharf (Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz, Abteilung für Universalgeschichte, hrsg. von Heinz Duchhardt, Beiheft 61). Vg. Philipp von Zabern: Mainz, 2004. Pp. XI, 312. Index of personal names. ISBN 3-8053-3360-9.

Both these collections of essays, in some ways quite dissimilar, are concerned with international cultural relations and cultural transfer in the eighteenth century. Both seek formats which avoid traditional conceptualisations of bilateral cultural connections. Dulac's volume, part of the series *Archives de l'Est*, based at Montpellier, offers a range of articles deriving from work in progress on Franco-Russian cultural relations. Unlike the interesting but conceptually flawed volume on *L'influence française en Russie au XVIIIe siècle* reviewed in the last issue of the *Newsletter*, that of Dulac and his contributors explicitly distances itself from 'une vision conquérante de l'"expansion" de la langue, de la littérature et de l'art français' (p. 1); it emphasizes the multifariousness and multiplicity of international cultural 'encounters' and situates Franco-Russian contacts in a suitably rich context. The collection is also closely and explicitly tied to the exploitation of new archival

materials, and provides two survey articles, a review by P. Zaborov of previously used sources in the field (pp. 285-92), and a listing by George Dulac (293-303) of Russian institutions in Moscow, St Petersburg, Kiev, Lvov, Odessa and Tartu which hold relevant manuscript materials – part of a larger archive guide to come; in addition Vladimir Somov reviews ‘Les “russica” français dans les archives russes’ (27-36). The articles themselves make wide use of archival materials. Wladimir Berelowitch delves into unpublished Russian material to study Russian accounts of travels in France (7-15), a suitable counterpart to his recent solid study of French travellers in Russia (in S. Karp & L. Wolff, eds, *Le Mirage russe au XVIIIe siècle*, 2001). Two authors investigate epistolary sources. Otto Langhorst studies the eighteenth-century correspondence with Russia of Dutch booksellers, active in the book-trade which contributed much to the import of French culture (15-26), and Michel Kowalewicz outlines aspects of the ‘German language networks around the St Petersburg Academy of Sciences’ (211-38). Kowalewicz gives a well-informed account of the German academicians and their many correspondents, drawing on the large number of published letters as well as the Academy archives, whose vast epistolary treasures are still far from exhausted: here especially the letters of J. Euler and G. Müller. This is a fruitful topic; Kowalewicz’s initial, in this volume somewhat incongruous insistence on the primacy of ‘germanophones’ at the Academy is balanced by the observation that the early ‘veritable infatuation of the Russian elites with the German language’ (220) was increasingly succeeded by the domination of French, in some part because of Russian experiences at German universities. The majority of the fourteen articles, however, are focused on individuals. The central figure is Friedrich Melchior Grimm, the subject of four essays. Grimm studies are about to be revolutionized by significant new publications. Alexandre Stroeve’s paper, on ‘F. M. Grimm et ses correspondants d’après ses papiers conservés dans les archives russes, 1755-1804’ (55-82), describes an annotated inventory which he is composing of all Grimm’s papers in Russia; Sergei Karp’s ‘La correspondance entre Grimm et Catherine II: la longue histoire des

manuscripts et des éditions' (83-98) discusses the problems and choices raised by the current preparation of a new complete edition of Grimm's correspondence with the Empress. In addition the late Jochan Schlobach's judicious brief cultural biography traces the 'grandeur et misère' of this 'Russian, Frenchman and German' whose impact in Russia was both enabled and constricted by the nature of his contacts with the highest Russian society, on the one hand direct and cordially personal, on the other narrow and circumscribed (37-54); meanwhile Madeleine Pinault Sørensen describes the relatively unknown Grimm, 'amateur d'art, critique et courtier' (99-132). New archival material sheds further light on Falconet's assistant 'Marie Collot à Pétersbourg' (Marie-Louise Becker, 133-72) and on Diderot and the Swedish Court (Sergei Karp, 183-210); while Dominique Triaire analyses the manuscript Memoirs of Stanislaus Auguste of Poland (173-82). Finally, George Dulac and João Miranda report on their huge labours in tracing and analysing the complex and far-flung papers of Ribeiro Sanches, the Portuguese Jewish doctor who had such influence on D. A. Golitsyn, Diderot, and members of the Russian elite (239-83). The paper gives a broad description and analysis of Sanches' ideas, and sketches a plan of further research; appendices list biographical chronology, surviving manuscripts, and other archival sources.

Altogether this is an impressive volume. The articles are of uniformly high quality and provide extensive detail on the subjects treated, allowing the reader into the researchers' *rabochii kabinet* to watch their investigations at the grass-roots; one has a clear sense of new contours emerging. The painstaking reconstructions of original contexts and contacts, while focussing on persons and episodes belonging to France, project a richly cosmopolitan, Europe-wide network of connections, driven by an equally diverse range of motivations and aspirations: as the title promises, these elements of French culture and Franco-Russian contacts appear as part of a European tapestry.

Duchhardt and Scharf attempt to reach the same goal by different means. Their volume on the reception of the French and British Enlightenments in Germany and Russia presents papers from a German-Russian conference organised in 2001 by the German and

Russian corporate members of the International Society for Eighteenth-Century Studies, and shares several contributors with that of Dulac. As with *La Culture française...*, the book's title, *Interdisciplinarity and Internationality*, reflects the desire to escape from the routine clichés of bilateral cultural transfer and 'to insert national and scholarly reception histories into a European context transcending disciplines'; while the format chosen seemed suitable especially when 'the laggard status of their [German] fatherland vis-à-vis France or England, so often remarked upon by German authors as early as the second half of the eighteenth century, is taken into account' (pp. 286-87). As Claus Scharf explains in his extensive 'Afterword' (which also acknowledges the work in his field of the Study Group), the organizers focused their attention on a small number of selected topics: reception in Russia and in Germany of certain French and British thinkers whose status is now generally acknowledged; topics involving delayed reception ('Boileau and the ode' and 'Shakespeare'); Freemasonry, as an area of social-historical research; and selected broad themes such as European discourses of 'the good/Enlightened monarch'. Each topic was to be addressed by two specialists, one for each country; while comparison was not required, neither was it ruled out. This attractive format proved in practice, however, to be organizationally over-ambitious and could not be brought to final fruition in its original form: the selection of published papers offered is consequently partial and somewhat unbalanced. The thinkers represented are Bayle (in Germany only), Voltaire (three papers), Montesquieu (two papers), Rousseau (two papers), Hume (in Russia only). Boileau and the ode have two papers, Shakespeare one (on his reception in Germany), 'the Enlightened monarch' two. Michel Kowalewicz examines English and French pedagogical ideas in both Russia and Germany; Manfred Agethen weighs up 'Thirty years of German research on eighteenth-century Freemasonry'. Once again, the standard of the contributions is in general impressively high. The original intention of juxtaposing surveys of Russia and Germany is however further subverted by variety of format – thus Galina Kosmolinskaia's convincing discussion of Hume, despite its wide range of reference, is intentionally

narrowly focused on his reception by Karamzin (pp. 233-44); and while Nadežda Alekseeva discusses 'Boileau in Russia' generally (209-18), Hermann Stauffer concentrates on 'the antique and the modern in Klopstock's ode-writing' (187-208). The absence of some comparators is also a great loss: no German Hume appears, and Agethen's excellent summation of recent German research on German Freemasonry left me eager for a similar piece on Freemasonry in Russia.

Given the focus of the conference on specific areas of cultural transfer and reception, it is somewhat unexpected that the first three articles and 34 pages are devoted to the broader historical and European framework which transcends the actual conference subject. The volume opens with a key-note address by Manfred Hildermeier, 'Enlightenment traditions in Russian history' (1-15). In a wide-ranging but not wholly convincing discussion Hildermeier conflates 'the Enlightenment' and 'Enlightened politics', relating them to subsequent historical developments but spending most of his time in the pre-revolutionary Imperial decades. He argues that the principal legacy of the Enlightenment in Russia was 'that the Western option came on to the agenda of Russian history' (p.2) and that 'Enlightened politics' in the Empire had in fact far more impact than the collapse of 1917 has led us to believe. Heinz Duchhardt then addresses the concepts of "Europa" and "Aufklärung" (17-23), while the late Alexander Mylnikov offered a typology of European Enlightenments (25-34). As befits a Czech specialist, Mylnikov's very interesting paper pays attention to smaller national cultures, suggesting three main categories reflecting different circumstances – Britain and France, where Enlightenment began and whence it spread; principal reception countries, including Prussia, Austria, Russia, pre-partition Poland; and peoples culturally similar to the latter but who had lost their national independence – many Slavs, the Magyars and Greeks. He also seeks lines of filiation back to the Renaissance and Tsar Ivan III. These in themselves thought-provoking contributions are somewhat out of kilter with the rest of the volume. Altogether, however, even though it failed to match the conference organizers' intentions, this rather mixed

collection is valuable in both its factual and its interpretative offerings. Both volumes under review make significant contributions to elucidation of the web of European ideas and cultures and their reception in the eighteenth century.

Roger Bartlett (Nottingham)

II

A.A. Preobrazhenskii *et al.* (eds.), *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo*, vol. XIII, part 2. (Moscow: Drevlekhranilishche, 2003). 677 pp.

It is eleven years since my review of Part I of Volume XIII of Peter the Great's Letters and Papers appeared in this journal (*SGEGR*, 22, 1994, pp. 46-53). Since then, as black boxes around their names indicate, virtually all the editors of Part I, including the *otvetstvennyi redaktor* A. A. Preobrazhenskii, have died. Given the snail's pace of publication so far (the project was approved by Alexander II in 1872 and the first volume appeared in print in 1887), it also seems highly unlikely that anyone reading this review in 2005 will live to see the series completed. (For further background, see my 1994 review.) Still, we should be grateful that it has not fizzled out altogether, for *Pis'ma i bumagi* are essential sources for all scholars working on early eighteenth-century Russia and each new volume brings previously unpublished or inaccessible material into circulation.

This latest volume contains 373 documents (letters, instructions, notes, edicts, treaties, lists, texts with Peter's handwritten annotations) dating from 14 June to the end of December 1713. Each text ends with archival and printed locations of originals and copies and (in footnotes) textual variants. Detailed commentaries to each text occupy pp. 248-580 and include related materials as well as explanatory notes. For example, the commentary to

no. 6269, a short letter dated 25 October, in which Peter congratulates Menshikov on the capture of Stettin and reports a Russian victory on the river Pelkene in Finland (pp. 473-9), contains letters from Menshikov to Peter (22 Sept and 1 Oct.), exchanges between Menshikov and the Holstein envoy H.-F. Bassewitz on the release and safe passage of Swedish troops who surrendered, an agreement with King Friedrich Wilhelm of Prussia (25 Sept/ 6 Oct.) on the temporary occupation (*sekvestratsiia*) of Pomeranian lands by Prussia and Holstein ("for his majesty the tsar has no intention of acquiring any of the conquered places in the German lands for himself, nor to retain any of the provinces, lands and fortresses taken there from the king of Sweden"), and a letter from Friedrich Wilhelm to Peter with assurances of friendship. The volume ends with a bibliography and excellent indexes of personal and geographical names and subjects, which also cover Part 1. Scholars have at their fingertips sources from dozens of archives, some published for the first time and others more fully and/or more accurately transcribed than before.

The year 1713 does not feature prominently in general histories of Peter's reign. There were no major domestic reforms, no battles to rival Poltava, but Peter, who spent June to December in St Petersburg or Finland or somewhere in between, did not relax the pressure, either on others or on himself. The first document in the volume (no. 6041) sets the tone. On 14 June Peter wrote to Menshikov in Holstein from Kipen' near St Petersburg, where he was taking his "usual spring cure" before departing for Finland to join "either the army or the fleet, whichever is more convenient". He congratulated Menshikov and his men on the surrender of the Swedish General Magnus Stenbock at Tonning in Holstein and reported that the enemy has left the whole of Finland in Russian hands ("ostavil v nashu dispozitsiiu"). He reported that the "St. Nicholas", a ship purchased by Menshikov, had docked at Reval. Peter ordered Menshikov to stay put in Holstein in anticipation of further gains from Sweden in Stralsund and Wismar. He was especially anxious not to antagonize the Turks. (In fact, a Russo-Turkish peace had been signed at Adrianople on 13 June, but

Peter had not yet received word of it.) The letter ends with orders to buy grain in Lübeck and Hamburg. Provisions shortages for Russian troops in Germany are a recurring theme.

Foreign policy is the focus of much of the material in this volume. Part I ended with the treaty of Adrianople, news of which Peter received somewhat ungraciously, writing to his principal negotiator Peter Shafirov on 15 July that article 10 (which left open the question of tribute payments to the Crimean khan) was a "hole for those [Turkish] curs to creep back in through the Christian fence" (p. 61). He also balked at the clause barring Russian troops, including himself, from entering Poland, fearing that the whole world would soon learn that his own subjects had placed restrictions on their sovereign's movements ("nevol'no nikudy ezdit' svoeiu personoiu", p. 61), but he conceded that his captive ambassadors had acted under duress from their Turkish jailors. (The clause on Poland would soon be breached when in October 1713 units under V.V. Dolgorukii, A. I. Repnin and R. Bauer returned to Russia from Stettin through Poland (no. 6303)).

The benefits of peace in the south were counterbalanced by the uncertainties of diplomatic realignments further west, following the end of the War of the Spanish Succession. Peter held out hopes of a congress to be held in Brunswick (later postponed), which in addition to negotiating terms among the participants in the Spanish war was also to consider a settlement in the Northern war, with the mediation of Great Britain and the Netherlands (see nos. 6388-6391). Russian military and naval successes in Finland in 1713-14, where it proved comparatively easy to eject the Swedes, contrasted with uneven progress in north Germany, mainly as a result of rivalries among Russia's allies. Peter's frequent appeals to King Frederick IV of Denmark through his ambassador Prince V L. Dolgorukii to agree to a joint invasion of the Swedish mainland met with silence or prevarication (see nos. 6295, 6332 et al.) Russia's agreement to allow Prussia to occupy Stettin met with protests from the Danes and Saxons (nos. 6215, 6225.) Relations with Poland were particularly complex, exacerbated towards the end of the year by rumors that Augustus II planned to make a separate peace with the Swedes through the mediation of the

king of France. At the same time, diplomatic niceties were maintained. On 20 October, for example, Peter wrote to George Elector of Hanover congratulating him on the birth of a daughter to his son, the future George II (no. 6253).

Some documents throw further light on the rules of Peter's upside-down world, in which subjects became superiors. Peter's correspondence with F. Iu. Romodanovskii, his mock tsar, in which Peter Mikhailov poses as "humble servant" to "Sire" (see no. 6051), continued unabated. One of Romodanovskii's duties was to ratify Peter's service promotions. In 1712 Peter had declined the rank of full general in view of his defeat by the Turks in 1711, but following Russian successes in Holstein earlier in the year now felt able to accept. "Sire" duly sent orders to Admiral F. M. Apraksin, who conferred the promotion in the mock tsar's name at Helsingfors (Helsinki) on 6 August (see no. 6168). In October Peter begged "His Majesty", in the name of the All-Drunken Assembly, to grace St Petersburg with his presence (nos. 6233-6234) for the namedays of Menshikov and Tsaritsa Catherine in November. Sometimes Peter wavered between exerting his will and accepting subordinates' advice. In July, for example, he forwarded a proposal to join in naval operations off Reval, but was dissuaded on the grounds that his presence was more needed in St. Petersburg and he should not expose himself to danger. In a petulant hand-written letter dated 7 July (no. 6099) he wrote to Vice-Admiral Cornelius Cruys, referring to his many years of service, "about which I shall not write in detail, since it is well known how many battles, actions and sieges I have taken part in. Everywhere good and honest officers begged me not to leave. The same thing happened before my recent departure from Holstein, where not only my own countrymen but also Danish and Saxon generals begged me to take part and to refuse to be sent to sit at home, like a child". Even so, he agreed to relinquish his command, so as not to be an impediment to this "good enterprise".

Chronological grouping of diverse correspondence brings home the intensity of Peter's activity. To take a sample three-day period, on July 2-3 he wrote to the kings of Poland, Denmark and Prussia, to B. P. Sheremetev, G. H. Goertz, L. A. Sytin, B. I. Kurakin

(three letters), Menshikov, F. M. Apraksin, Cornelius Cruys, Tsarevich Aleksei Petrovich (curt hand-written orders to gather timber for boat building), P. S. Saltykov, V. S. Ershov and A. A. Kurbatov (ordering the last three to recruit more carpenters for the admiralty), A. Ia. Nesterov and the Senate. (Peter scolded his senators for their failure to convict enough criminals and demanded greater productivity, with threats.) On 4 July, now aboard the ship "Poltava" on his way to Kronstadt, he wrote to tell Catherine that he hoped to be with her soon.

Mid-August found Peter sailing off Finland, as Swedish troops abandoned coastal settlements and headed inland. Peter wrote to Catherine ("Katerinushka, drug moi, zdravstvui") on 12 August: "We don't expect a battle, for yesterday General-Lieutenant [Mikhail] Golitsyn, who was pursuing the enemy, reported that he could not catch them as they had all run away" (no. 6168). On 28 August Russian land forces, accompanied by Peter, captured Abo (Turku) without any resistance, following an earlier skirmish (see series of letters dated 30 August, no. 6181-6195). A circular encouraged local people to return to their homes, assuring them that they were in no danger unless they corresponded with the enemy, in which case they deserved death (no. 6199).

There is comparatively little here on civic reform and only a few hints of grander schemes. Rough notes penned on 27 November (no. 6361), for example, refer to copying "the order of grades of all ranks, apart from military" ("poriadok gradusov vsekh chinov, krome voinskikh") from Swedish and other codes. An interesting series of letters bring into focus the issue of the diversion of trade from Archangel to St Petersburg on pain of confiscation of property (no. 6301). In some regions it was specifically Russian leather (*iuft*) and hemp that were diverted, in others the ban on Archangel trade was more comprehensive. Many edicts end with the characteristic warning: "And in order that this our edict be made known to everyone, write it and display it around the towns of Smolensk guberniia everywhere, both in churches and on city gates, so that everyone is aware of it and no one makes excuses on the grounds of ignorance" (p. 160). Similar orders to other

gubernii (nos. 6304-6307, 6310-6312) reveal a veritable war of attrition on the Gorod, as Archangel was known. As always, Peter's letters feature everyday matters alongside international politics. On 30 July (no. 6154), for example, he instructed Menshikov to order various provisions from Amsterdam for transport to Lübeck and from there by boat "to arrive by autumn, before St Petersburg ices up". The shopping list included barrels of new season's herrings, French Muscat, oranges and lemons, fresh oysters, Indian salted bamboo and mangoes in vinegar.

Eyes other than mine will no doubt alight on different gems in this rich trove. In the current precarious situation for scholarly publishing in Russia, editing a volume of primary sources to such high specifications is a labour of love and scholars of early eighteenth-century Russia everywhere are greatly indebted to the researchers at the Institute of Russian History of the Academy of Sciences and RGADA in Moscow who prepared the texts, commentaries and indexes: V. A. Artamanov, L. K. Bazhanova, S. Iu. Koroleva, T. A. Lapteva, G. A. Sanin and D. A. Shirina. It is good that the 2003 St. Petersburg tercentenary released sufficient resources to publish another volume. (*Rossiiskii fond fundamental'nogo issledovaniia* and *Rossiiskii gumanitarnii nauchnii fond* are acknowledged as sponsors.) The print run was a thousand, five hundred less than Part 1. One waits in hope for Volume XIV, Part 1, work on which, apparently, began in 1973.

Lindsey Hughes (School of Slavonic and East European Studies, University College
London)

EDITORS' POSTBAG

ANNUAL MEETING OF THE STUDY GROUP

The next UK annual meeting of the Study Group will take place at the High Leigh Conference Centre, Hoddesdon, 4-6 January 2006.

Speakers and their provisional titles/ subjects are:

Maria Cristina Bragone (Italy): 'K istorii vospriiatiia Erazma Rotterdamskogo v Rossii v XVIII veke'; Maeve Cunningham (UK): 'Dr John Rogerson and Banking in Russia'; Charles Drage (UK): 'Russian Model Conversations in Grammar and Travellers' Handbooks, 1770s to 1830s'; Anna Krasil'shchik (Russia): 'Favouritism in 18th-c. Russia'; Erin McBurney (USA): 'Portraits of Catherine II'; Denis Shaw (UK): 'Varenius's Geography in Russia'; Mikhail Velizhev (Russia): 'Mysli o Rossii: novyi tekst Iakova Ivanovicha Bulgakova'; Michela Venditii (Italy): 'O perevode Voltera Cheraskovym i Karamzinym'; Andrei Zorin (UK): 'Pope's "Eloise to Abellard": Romantic Love in Russia'

Please note that the programme for 2006 is FULL, but Lindsey is happy to receive proposals for the 2007 meeting. Full details and application forms for attendance will be sent out early November. You are advised to book early as last year the conference centre was full and several late applicants were disappointed.

The VIII International Conference of the Study Group

The next international conference of the Study Group will be held at Van Mildert College, University of Durham, UK, from Saturday 4 July to Thursday 9 July 2009. The local organizer will be Professor Patrick O'Meara, principal of Van Mildert.
patrick.o'meara@durham.ac.uk

For a virtual tour of Durham Cathedral and Castle, a Unesco World Heritage Site, see http://www.dur.ac.uk/~dla0www/c_tour/tour.html

Proposals for panels on any aspect of Russian history and culture in the 'long' eighteenth century (late 17th to early 19th cc) will be considered at the 2006 meeting of the Study Group (see above). In keeping with SGECR's traditions, the membership of panels should be international and there will be no formal discussants. The languages of the conference will be English and Russian. Papers will last twenty minutes. We ask you also to restrict your proposals initially to THREE speakers and a chair, to allow the possibility of accommodating individual scholars who may be new to the Group.

Please send your proposals for panels and individual papers by e-mail to l.hughes@ssees.ac.uk or by post to Prof. L. Hughes, SSEES, Senate House, Malet Street, London, WC1E 7HU.

New President of ECRSA

The recently elected President of ECRSA (to succeed Irina Reyfman) is Hilde Hoogenboom. Her address is: Dept of Languages, Literatures and Cultures (Slavic and Eurasian Studies), Humanities 240, The University of Albany (SUNY), 1400 Washington Ave., Albany, NY 12222. Email: hhoogenboom@albany.edu

PUBLICATIONS

Ioakim [aka Joachim] Klein, *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literature XVIII veka* (Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005). 576pp. ISBN 5-9551-0058-X

An important collection of Joachim's articles written over the last twenty-five years and previously published mainly in German. All the articles have been revised and rewritten. The collection is presented in four parts. Part I (pp. 19-215) is devoted to 'Pastoral'naia poeziia russkogo klassitizma; Part II (pp. 219-390) comprises nine subdivisions – 'Truba, svirel', lira i gudok', 'Reforma stikha Trediakovskogo v kul'turno-istoricheskom kontekste', 'Lomonosov i tragediia', 'Lomonosov i Rasin', 'Ranee Prosveshchenie, religiia i tserkov' u Lomonosova', 'Russkii Bualo? Epistola Sumarokova "O stikhotvorstve" v retseptsii sovremennikov', 'Sumarokov i Bualo: Epistola "O stikhotvorstve" i "Poeticheskoe iskusstvo"', 'Liubov' i politika v tragediiakh Sumarokova', 'Sumarokov i Rzhevskii ("Dimitrii Samozvanets" i "Podlozhnyi Smerdii"'); and Part III (pp. 393-520) has the following six sections – 'K problematike i spetsifike russkogo klassitsizma: Ody Vasiliia Maikova', 'Bunt protiv khoroshikh maner: "Elisei, ili Razdrzhennyi Vakh" V.I. Maikova', 'Bogdanovich i ego "Dushen'ka"', 'Literatura i politika: "Nedorosl'" Fonvizina', 'Religiia i Prosveshchenie: Oda Derzhavina "Bog"', 'Poet-samokhval: "Pamiatnik" Derzhavina i status poeta v russkoi kul'ture XVIII veka'

Eliza Malek (ed.), *Praca i odpoczynek w literatach slowianskich* (Lodz: Wydawnictwo Uniwersytetu Lodzkiego, 2003). 385 pp. ISBN 83-7171-7210. The Proceedings of a conference held in Lodz in 2002. Of particular interest for eighteenth-century Russian specialists are the following three articles: Sergei Nikolaev, 'Russkii pisatel' XVIIIv. – kuznets, portnoi, stoliar, pedant, "guliaka prazdnyi" (pp. 121-30), Anna Varda, '"Piit" i "rifmach". O reputatsii poeticheskogo tvorchestva v XVIII veke' (pp. 131-

45), Ol'ga Kalashkhnikova, 'Trud i razvlechenie v bytu i tvorchestve F. Dmitrieva-Mamonova (*Dvorianin-filosof. Allegoriia*)' (pp. 147-54).

Viktor Zhivov, *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004). 358 pp. ISBN 5-86793-335-0. Two major interconnected studies, prefaced by a long Introduction. The first is devoted to an unknown work by Stefan Iavorskii, protesting against the establishment of the Holy Synod, whilst the second investigates the procedures for electing an *arkhierei* in pre-Petrine and Petrine times in the context of the church's attitude to the eastern patriarchs and to tsarist authority. A number of previously unpublished texts by Iavorskii and others appear as an appendix. Bibliography, index and photographs of documents.

Roger Bartlett, *A History of Russia* (New York: Palgrave Macmillan, 2005). 336 pp. ISBN: 0-333-63263-X. Roger Bartlett traces the history of Russia from its beginnings to the present. While offering a broad perspective on Russia's historical development, Bartlett also focuses on Russia's role as multiethnic state and empire, the place of the majority peasant population in the Russian/Soviet polity, and the development of Russian and Soviet society and culture. It is the perfect introduction for anyone interested in the complex and fascinating country's history.

R. Bartlett and L. Hughes (eds.), *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century. Essays in Honour of Anthony G. Cross* (Munster: LitVerlag, 2004). A collection of essays in honour of Professor Anthony Cross and his work on Imperial Russia's eighteenth-century culture and connections with Britain, the volume brings together contributions from 16 leading scholars in the field of Russian studies. Issues addressed include the diplomatic, social, cultural, literary and linguistic history of the period, including its international dimensions.